

Евгений Криницын

**КАК
БРАТЬ
ИНТЕРВЬЮ**

8 МАСТЕР-КЛАССОВ

**от лучших
журналистов**

России

**альпина
ПАБЛИШЕР**

Москва
2019

УДК 303.62(0.92)
ББК 76.01
К82

Криницын Е.

К82   Как брать интервью: 8 мастер-классов от лучших журналистов России / Евгений Криницын. — М. : Альпина Паблишер, 2019. — 164 с.

ISBN 978-5-9614-2415-7

Журналистика — в первую очередь практика, и годы учебы в университете не могут заменить общения с профессионалами. Эта книга собрала опыт самых знаменитых журналистов России. Алексей Венедиктов, Андрей Максимов, Станислав Кучер, Владимир Познер, Дмитрий Губин, Андрей Ванденко, Жанна Немцова и Илья Азар рассказывают о своих приемах ведения интервью. На собственном примере они показывают, как готовиться, как вести себя с разными собеседниками и выуживать интересную информацию. А еще это откровенные воспоминания о переживаниях, провалах и успехах, которые интересно прочесть, даже если вы не строите карьеру журналиста.

УДК 303.62(0.92)
ББК 76.01

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

ISBN 978-5-9614-2415-7

© Е. Криницын, 2019
© ООО «Альпина Паблишер», 2019

Оглавление

Предисловие.....	5
Алексей Венедиктов.....	7
Андрей Максимов	29
Станислав Кучер.....	49
Владимир Познер.....	65
Дмитрий Губин	79
Андрей Ванденко	93
Жанна Немцова.....	113
Илья Азар.....	139
Об авторе	163

Предисловие

Дорогой читатель!

Рад представить вам книгу «Как брать интервью», сильно переработанное издание моей книги «Акулы интервью», впервые вышедшей в 2010 году. В этом издании появились новые персонажи: Жанна Немцова и Илья Азар. Мы снова встретились и с нашими старыми знакомыми — мэтрами интервью — Андреем Максимовым и Андреем Ванденко. Конечно, ни один материал об этом жанре не может обойтись без Алексея Венедиктова и Владимира Познера, с которыми вы также сможете побеседовать на страницах моей книги. Предвкушаю ваш вопрос: «А где же Дудь — главный интервьюер российского YouTube, яркий, блистательный, провокационный журналист и блогер?» В этом издании Андрей Максимов, Жанна Немцова, Андрей Ванденко и Илья Азар делятся своими впечатлениями от работы Юрия Дудя.

А полноценная встреча с самыми популярными блогерами страны ожидает вас в следующей книге, посвященной исключительно интернет-деятелям! Тогда мы и поговорим о природе хайпа, механизме раскрутки YouTube-канала, методах привлечения аудитории, секретах мастерства ведения блогов, трафике. У Дудя сейчас много последователей, проекты которых не всегда бывают удачны. Кроме того, появились блогеры, которые делают все наоборот, в стиле

«Анти-Дудь»! Предлагаю немного подождать, пыль рассеется, слабые уйдут, а с мэтрами, которые останутся, мы и пообщаемся! Договорились?

А пока не спеша и вдумчиво побеседуем с ведущими журналистами электронных медиа России.

Желаю удачи и успехов в это крайне непростое для свободной российской журналистики время!

*Ваш
Евгений Криницын*

Журналист, главный редактор и ведущий передач радиостанции «Эхо Москвы», президент телекомпании «Эхо», создатель познавательного исторического журнала «Дилетант»

Алексей Венедиктов

После школы поступил на вечернее отделение исторического факультета Московского пединститута. В армию не взяли по причине узкого прищура (к 17 годам зрение -10). Одновременно с учебой в вузе работал пять лет почтальоном, успевая утром прочитывать все газеты, а вечером — все журналы. Затем пошел учителем истории в школу, где и проработал 20 лет.

На радио «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов пришел в 1990 г. как журналист, затем стал директором службы информации.

С 1998 г. — главный редактор.

Лауреат премии «Золотое перо России».

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Отмечен наградой за высокий профессионализм и личное мужество при работе в горячих точках.

Кавалер французского ордена Почетного легиона. Лауреат премии имени Артема Боровика.

Первый вопрос

Если вы интервьюируете незнакомого человека, то его отношение к вам определится после первого вашего вопроса. Опытный интервьюируемый по первому вопросу определит, кто перед ним, поэтому для интервьюера важно сразу «войти в кость».

Если вы с этим человеком уже работали, очень важно показать, что все предыдущие интервью гроша ломаного не стоят. Вот здесь и сейчас абсолютно уникальная история, уникальная ситуация, даже если она совершенно банальна. Но при этом уникальных первых вопросов мало. Бывает, что ты садишься перед человеком, смотришь на него и выпаливаешь: «И?...» Но все интервью так не начнешь. Первый вопрос задает тон, накал. Если он неудачен — плохо, но можно исправить ситуацию вторым вопросом, а то и третьим.

Для чего дают интервью

Человеку, который пришел к вам на интервью, нет до вас никакого дела. Его цель — донести через вас до читателей, зрителей или слушателей себя, белого и пушистого. Так делают все, не важно, президент это или председатель колхоза, великий спортсмен или великий актер. Повторюсь, у него одна задача: дойти до своих избирателей, болельщиков, поклонников, то есть продать себя, иначе бы он не согласился на беседу. Интервьюер для него всего лишь инструмент, при этом он понимает, что если начнет растекаться мыслью по древу, то его выключат на третьей

минуте. Интервьюер — это инструмент для опытных ньюсмейкеров, с помощью которого «герой» занимается манипуляцией общественного мнения в отношении себя любимого. Если журналист видит, что собеседник его не воспринимает, значит, нужно на ходу перестроиться, чтобы не превращаться в подставку для микрофона.

Для чего берут интервью

Всего целей три; в каждом интервью они присутствуют, но в разных пропорциях.

Первая цель: если перед вами ньюсмейкер, ваша задача — вытащить из него информацию. Здесь никакой борьбы быть не может. «Сколько человек погибло в этой операции?» — спрашиваете вы, к примеру, у замначальника штаба. Вы должны получить цифру.

Вторая цель: вытащить из него мнение и оценку. В этих случаях, конечно, приходится воевать. Потому что мнения и оценки обычно очень благостные. Вы спрашиваете: «Почему в предыдущей операции погибло два человека, а в этой 73?» Здесь вы уже становитесь преградой, соперником и врагом.

Третья цель: придать интервью такой образ, чтобы оно было просмотрено или прослушано до конца. Но это уже уровень накала и умение интервьюера.

Все три цели обязательно нужно держать в голове.

Интервью с Фурсенко

Я разговаривал с министром образования РФ Андреем Фурсенко¹ и задавал, как могло показаться, детские вопросы. Дело в том, что ни школьники, ни родители толком не знали, каковы будут правила ЕГЭ в 2009 г. Поэтому я представил себя в роли ученика. Спросил, сколько нужно будет сдавать экзаменов, когда будет подписан документ. А если я не сдам? А если через год пересдавать? А если институт не сказал, какие экзамены? Куда звонить, когда — дайте дату, дайте время! Иначе говоря, я задавал те же вопросы, которые ему бы задавали на родительском собрании. Я решал задачу ньюсмейкерства, первую задачу интервью. Я не искал красоты, потому что год кончался, а дети не знали, как это будет. И я получил результат. Через неделю после интервью пришла его заместитель и подробно рассказала, как все будет проходить. Ей я задавал и оценочные вопросы, решая вторую задачу интервьюера. Этими интервью я добился ускорения принятия решения по ЕГЭ и информирования всех. Это была моя цель. Я не собирался ни унижать его, ни подставлять каким бы то ни было образом. Более того, Андрей знает, что я противник ЕГЭ в той форме, в какой проходит этот экзамен. Я мог бы поспорить как журналист о значении ЕГЭ — и мы еще поспорим с ним публично. Но тогда нужно было, чтобы дети и родители знали, как будет действовать министерство, и это удалось на 100%. Я очень доволен этим интервью.

¹ Андрей Фурсенко занимал пост министра образования и науки Российской Федерации в 2004–2012 годах.

Ответственность интервьюируемого

Нужно четко понимать, что интервью с руководителем существенно отличается от интервью с его заместителем. Скажем, министр, отвечая на вопросы, к примеру, по ЕГЭ, берет на себя публичную ответственность от имени государства. Если он сказал, что все институты будут принимать ЕГЭ, значит, так и будет. Слова Фурсенко, в отличие от, допустим, слов начальника департамента образования, звучат как официальное обязательство перед страной.

Валентина Матвиенко заявила, что ни одно решение по историческим зданиям Санкт-Петербурга не будет принято без решения Общественного совета. Интервью получилось скандальным. Его перепечатали все газеты Петербурга. Мне потом писали слушатели: «Она соврала». Но никто не привел в пример ни одного решения, принятого без участия Общественного совета. В результате губернатор публично взяла обязательство, и теперь она должна держать слово.

Острые вопросы

Я знаю, что я крутой. И мой сын это знает, а это главное. Поэтому я всегда доброжелательно отношусь к собеседнику: к министрам, чиновникам, оппозиционерам. Но в то же время острые вопросы могу задать легко. Вот только у нас почему-то острыми вопросами считаются, например, такие: «Почему вы разваливаете народное образование?» Я этого не понимаю. Фурсенко ответит: «Я не разваливаю» — и всё. Разговор закончен. Я не эксперт. Я беседую с министром обороны,

но я ведь не эксперт в армейских делах. Мое дело — дать собеседнику возможность публично взять на себя какое-либо обязательство. Я легко задаю тяжелые вопросы хорошо знакомым мне людям. Причем к своим немногочисленным политическим друзьям отношусь гораздо жестче, чем к людям, к которым я равнодушен. У нас были довольно близкие отношения с Гайдаром и Чубайсом, а интервью с ними самые жесткие.

Интервью с Тони Блэром

Мне дали полчаса на разговор с Блэром в аэропорту. Я понимал, к чему надо готовиться. Но переговоры Блэра с Путиным затянулись, в результате подходит ко мне посол: «Алексей, у вас будет пять минут». Я ему отвечаю: «Знаете, я собираю свои вещи и уезжаю». Министр иностранных дел Лавров ошеломленно спрашивает: «Как уезжаешь? Это же премьер-министр». А я ему: «Что я, мальчик, что ли, из-за пяти минут с места срываться? Я готовился, у меня целая папка вопросов...» Я ведь приблизительно знаю, сколько мне потребуется времени. Лавров начинает убеждать: «Леш, это скандал». А я говорю: «Я мог бы написать два вопроса и послать мальчика. Он прочитал бы на хорошем английском вопросы, Блэр бы ответил, все остались бы довольны». Посол говорит: «Хорошо, 15 минут». Я соглашаюсь: «Тогда делаем так: я английского не знаю, но, чтобы не тратить время, его ответы вы мне не переводите».

Дальше я задаю Блэру вопрос по-русски, ему переводят. Он что-то отвечает, я задаю следующий вопрос. Вот какие ситуации бывают. Знаете, о чем я его спросил первым делом?

«Господин премьер-министр, сейчас выходит пятая книга о Гарри Поттере, ваши дети любят это читать?» Он поднимает на меня глаза, потом смотрит на переводчика, мол, то ли я услышал? Мужик его ждал для чего? В общем, он неформально ответил и расслабился. И я его дальше спрашивал про ракеты, про экономику. Так мы проговорили полчаса. Я понимаю, что, если бы задал ему вопрос, каковы результаты переговоров с Путиным, это были бы кранты. Он бы за 15 минут отрапортовал формальные и несущественные вещи — и до свидания.

Сенсация

Допустим, вам предстоит беседовать с министром иностранных дел Франции. Вы читаете пять или семь его последних интервью и видите ответы. Примерно знаете, что он скажет. Идя на интервью, люди заранее знают, что хотят донести. Вы можете только вывернуть форму, попробовать поймать их за хвост. Хотя опытных людей за хвост не поймаешь. Тони Блэр раздает по три интервью в день в течение десяти лет. Ваша цель — задать вопросы, ответы на которые будут интересны слушателям.

Первое интервью

На «Эхо Москвы» меня позвали в августе 1990 года, друзья сказали: «Ты же учитель, вот и представь, что ты стоишь у доски». Первое интервью я брал у Любови Петровны Кезиной, главы департамента образования Москвы, накануне нового учебного года. Я ее спрашивал

как учитель: про зарплаты, наполняемость классов. Мне было тогда 35 лет. До этого я вообще не работал в журналистике.

Отличие хорошего интервью от плохого

Когда вы просто сидите за столом и расспрашиваете, в известном смысле это интервью. Только оно не публично, вы это делаете для себя.

Что отличает хорошее интервью от плохого? Есть формальные вещи, например так называемый индекс цитируемости.

Вопрос в том, какую задачу себе ставишь. Моя задача — чтобы меня цитировали другие СМИ. Но в России журналисты нечасто ссылаются на первоисточник. Когда министр финансов Кудрин был у известного тележурналиста на федеральном канале, у того после часового интервью получилось семь ссылок в агентствах. После получасового интервью со мной — 30 ссылок. Я сделал интервью лучше. Но это не значит, что я сделал интервью красочнее. Может быть, коллега поговорил о любимых собаках министра, и народ удивлялся, мол, у него семь собак, это чума. А ты спрашиваешь о другом: про инфляцию, про курс, золотовалютные резервы. Это может быть скучно, но цитируемо. Вообще сравнивать красочное интервью с холодно-профессиональным невозможно. Моя сверхзадача при разговоре с политиками — цитируемость. Они должны или сказать что-то новое, или выразить свое мнение по тому или иному вопросу.

Они не любят высказывать свое мнение, но я пытаюсь из них его вытащить.

Интервью с бывшим президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым

Меня попросили только об одном: не спрашивать, будет ли Алиев снова выдвигаться на пост президента Азербайджана. А дело было за три месяца до выборов. Как я могу об этом не спросить? Мир ждет. Я адресую этот вопрос от радиослушателей, мол, не я же его задаю, а Иван Иванович из Баку. Вы собираетесь выдвигаться на новый срок? Алиев говорит: «Алексей Алексеевич, я сейчас в другой стране, а о своих планах я буду говорить у себя в Баку».

Идет интервью, я снова о своем: вот Иван Иванович из Пензы интересуется, что вы будете делать после 2003 года? Он снова отвечает: «Алексей, я уже сказал, что не буду отвечать на этот вопрос». Провал. Интервью подходит к концу, я снова спрашиваю: «Гейдар Алиевич, так будем баллотироваться или не будем?» Он так посмотрел на меня, что я подумал, что меня здесь же и закопают. Но Алиев произнес: «А что, все этим оставлять, что ли?»

Тут же в агентства France Press, Reuters посыпались молнии: «Гейдар Алиев выдвигается на новый срок». Но с тем же успехом он мог меня послать, никогда не знаешь, как будет.

Никогда не надо опускать руки, нужно находить эмоциональную струю, чтобы вызвать если не на откровенность, то хотя бы на комментарий. После интервью мы пили коньяк.

Недовольства и вопросы

Бывают недовольства, особенно со стороны пресс-служб, а не самих клиентов. Бывает так, что пресс-службы присылают вопросы, ведущий «Эха» их читает и отправляет в помойное ведро. Никогда нельзя предугадать заранее, как пойдет интервью. Как я могу написать семь вопросов, не зная ответов? Это непрофессионально. Между прочим, я пишу не вопросы, я пишу темы. Когда было интервью с Фурсенко, пришло больше 200 вопросов на сайт, я выделил темы, которые волнуют людей: ЕГЭ, преподавание национальных языков. Ну и зарплаты. Только я о них не спрашивал. Бюджет был уже утвержден. Ну пошлет он меня в Думу. Ну скажу я, что учителя мало получают. И он согласится: да, мало. Когда клиент сильно напрягается на какую-либо тему, можно задать вопрос от слушателя. Просто нужно его правильно сформулировать и правильно повернуть. Часто интервьюеры считают, что поймали бога за бороду, мол, мы такие крутые профессионалы. Но и им нужно прислушиваться к аудитории. У меня даже приказ висит о том, чтобы ведущие больше использовали вопросы слушателей. Ведь они придумывают такие вопросы, которые журналисту в голову никогда не придут. Это очевидная подмога при подготовке к эфиру.

Подготовка

Если работаю с серьезным клиентом, опять же просматриваю на сайте вопросы слушателей. Обязательно читаю семь предыдущих интервью. И не для того, чтобы

не повторяться. Просто если человек дал интервью какой-нибудь итальянской газете, это совсем не значит, что слушатели об этом знают. Дальше я конструирую у себя в блокноте темы, которые обязательно принесут ссылки. Потом пытаюсь их расположить в логической последовательности. Но блокнот я, как правило, забываю на столе. В студию не беру, иначе станешь заложником того, что написал час назад. Если я его взял в студию, значит, мне неинтересно, что ответит клиент, а интересно лишь задать вопрос, а это неправильно. Но в голове у меня оседает самое важное. С собой беру пару листков. Пишу на них маркером: НЕ ЗАБУДЬ СПРОСИТЬ ПРО КОСОВО. Первые вопросы возникают, как только видишь человека. За минуту до интервью я выбираю заход. И часто ошибаюсь, конечно. Бывает, я просто переготовился, перегорел, все прочитал, понимаю, как мне ответят, мне становится скучно, я смотрю на часы, сколько осталось до конца интервью. А с тем же Геннадием Зюгановым можно сделать 37 интервью по-разному, жизнь меняется каждый день.

Интервью с Алексием II

Это было 9 мая 1991 года. Я делал передачу, спрашивал людей в возрасте: помнят ли они 22 июня 1941 года. Встал у могилы Неизвестного солдата, там возлагали цветы. Шел патриарх, свежей избранный. И тут я почувствовал, что мне этот человек безумно интересен. Знаете, так бывает, ты стоишь, берешь интервью по две минуты. Они все мимо тебя идут, Лужков и прочие. А патриарх — он какой-то другой. Когда он ответил, я выключил микрофон, но он не отходил, вспоминал

начало войны. Он на меня произвел тогда впечатление своего. И потом лет пять или шесть на разных мероприятиях он помнил об этом интервью, я подходил к нему всегда. Но, честно говоря, хорошего интервью с патриархом я не видел и сам не придумал. Хотя я просил, но он не давал такого большого, какое бы мне хотелось сделать. Солженицын, патриарх — мои упущенные возможности. Сделать интервью о том, что они думают о жизни, не получилось.

Интересный собеседник

Если говорить в целом о том, с кем бы я хотел сделать интервью, то это, например, коронованные особы, например испанский король Хуан Карлос. Он человек по другую сторону всей этой суеты. Я как-то собирался взять у него интервью, но мне навывдвигали нелепых условий, и я передумал.

Провалы

Плохие интервью случаются через раз. Например, с Плисецкой, Вишневской. Они замечательные, мы прекрасно общались до и после эфира. Но в моих мозгах встроен чип «она — королева» — и точка.

Интервью зависит и от твоего настроения, и от настроения собеседника. Может, у него внук в больнице, может, он не выспался. А у тебя ничего не получается, и ты это понимаешь, злишься, выходишь из равновесия. Вообще, любое проходное интервью — провальное. Оно должно быть либо как первое, либо как последнее.

Забавные случаи

Клинтон пришел на интервью, мы хорошо начали диалог, и тут я ему задаю какой-то вопрос. Он секунду молчит, другую, тянет с ответом. Я решил его растормошить и легонько пнул ногой под столом. Разговор потек дальше.

Или история с госсекретарем США Колином Пауэллом. Мы говорили про Афганистан. Я ему говорю: «Вы можете ответить не как дипломат, а как генерал?» А он отвечает: «А я не дипломат, я генерал».

Он меня посадил. Потому что я не понял, что этот вопрос пустой, потому что он не ответит, не имеет права и так далее. И то, что я об этом не знаю, — моя недоработка.

Интервью Познера с Лужковым

Когда Познер делал в последний раз интервью с Лужковым, он понимал, что Лужков к нему еще долго потом не придет. Если к вам приходит человек и вы знаете, что следующего раза или не будет, или будет через два-три года, вы строите интервью «на вечность». Если вы знаете, что под интервьюируемым шатается кресло, что он переходит на другое место работы и скоро придет к вам, но в новом качестве, с ним нужно по-другому разговаривать. Если бы я брал интервью у Лужкова, я бы спросил: «Когда вы закрутите Садовое кольцо в одну сторону? (Календарь, график, как с ЕГЭ.) Мы, автомобилисты и пешеходы должны это знать». Меня поворот рек, о котором спрашивал

Познер, тоже может интересоваться, но он для меня вторичен. Про Крым я Лужкова бы не спросил, об этом я буду говорить с Лавровым, Путиным или с Медведевым. А вот закрутить кольцо в одну сторону — это важно. Мэру Москвы нужно задавать практические вопросы, так же, как и министру. Но я вполне могу задать и такой вопрос: «Вы считаете справедливым, Юрий Михайлович, что ваша супруга, как пишут газеты, обладает монополией на частную стройиндустрию? Как так случилось? Что вы думаете по этому поводу?» Но я не буду задавать эти вопросы в таких формулировках, как «Доколе?», «Как вам не стыдно?» и так далее. Это не вопросы интервьюера, это вопросы политического противника. А журналист не является политическим противником. Но спросить про Елену Николаевну можно. Я знаю, что он скажет: «Она замечательный менеджер, я ей не помогаю, вы не найдете никаких следов моей помощи». Спросить нужно, потому что людям это интересно. Но вопрос не должен звучать как оскорбление. Например, можно спросить так: «Многие считают, что только благодаря тому, что вы мэр Москвы, ваша супруга сделала состояние. Вы с этим согласны? Если нет, объясните, как это возможно без вашей помощи».

Интервью с террористом

Террористы — люди, уничтожающие невинных граждан, женщин, детей. Когда произошли трагедии на Дубровке и в Беслане, террористы были в эфире. Среди заложников на Дубровке была наша сотрудница, она говорила с нами по телефону. У нее взял мобильный

один из террористов. Что было бы, если бы Матвей Ганапольский принял решение разъединиться? А если бы террорист ее за это пристрелил? Если бы мы попытались их обмануть и сказали бы «Говорите, вы в прямом эфире», а эфир на самом деле был бы не прямой, что бы тогда они сделали, как отреагировали на вранье?

Я как главный редактор считаю, что Матвей поступил правильно, потому что я сам бы так поступил, и, скорее всего, я не отключу террориста, если похожая ситуация, не дай бог, повторится. Правда, Матвей считает, что поступил неправильно. Но технология в принципе должна быть другая. Понятно, что террористам, захватившим заложников, нужен эфир. Заложники — товар для получения эфира, поэтому необходимо, чтобы штаб по освобождению заложников давал журналистам сигнал, что мы предоставляем террористам свой эфир, а штаб выторговывает заложников. Вот позвонил бы человек из штаба и сказал: «Леш, у тебя 15 минут, террорист, такой-то номер, я тебе даю добро». Но во время «Норд-Оста» никакого штаба не было. Я просил: «Дайте мне офицера для переговоров». Никого не было. Во время Беслана было по-другому. Террористам дали возможность сказать, за это они отдали Аушеву семерых детей в возрасте до года.

Знаете, есть очень важная история. После 11 сентября ведущие американские журналы договорились не помещать на обложках фотографии, где люди выпрыгивают из окон башен, не показывать разбившихся. А потом был теракт на вокзале в Испании, где погибло

очень много людей, и все испанские журналы поместили фотографии разорванных тел, такая вышла мясорубка. Я встречался с главредами журналов, спрашивал: «Ну ребята, зачем?» Они ответили: «Понимаешь, почему у нас миллионы вышли на митинг с осуждением терроризма? Потому что недостаточно просто рассказать о террористах и их действиях. Надо *показать*, дать видео, фотографии раненых детей, искалеченных и погибших! Общество должно не только прочесть, но и увидеть, к чему приводит терроризм». Поэтому в интервью они помещают и страшные фотографии, чтобы еще больше усилить ненависть к террористам. И американцы по-своему правы, и испанцы по-своему правы. Журналист может расставить любые акценты, но для того, чтобы сказать, что террорист — зверь, совершенно не нужно брать у него интервью. Сразу после 11 сентября бен Ладен начал распространять на кассетах свое обращение. И тогда Кондолиза Райс пригласила к себе владельцев трех крупных телеканалов и попросила их полностью этих обращений не давать. Мотивировка была такой: в этих обращениях мог быть зашифрован сигнал к новым терактам. Американцы разрезали обращение на куски, поменяли их местами, перебили дикторским текстом и в таком виде дали его в эфир.

Интервью с бен Ладеном — вызов мне как журналисту. Он действительно существовал, я знаком с людьми, которые знали его лично. Хотелось бы, чтобы слушатель понял мотивировку, зачем все это человек делал, какова была его цель. Кто слышал о бен Ладене до 11 сентября? Да никто. 10 сентября мне было бы неинтересно

с ним говорить. Конечно, престижно было бы попасть к нему и взять интервью, но вряд ли такое интервью состоялось бы. Выйдите на улицу, спросите: «Чего хотел бен Ладен? Разрушить мир? А дальше?» Пусть бы объяснил, зачем убивает невинных людей.

В России беда с интервьюерами

В 1990-х этот жанр развивался, а в 2000-х стал непрестижным. У кого брать интервью? У тех, у кого 10 раз брали? У этих нельзя, те не хотят, а эти сами диктуют, что брать. Например, человек, который ведет новости, скажем, на Втором канале, вдруг поворачивается к гостю и начинает брать у него интервью. А это неправильно, это разные жанры. Я, например, очень плохой ньюсмейкер, я не могу сделать хороший выпуск, тем более его прочитать, но я замечательный интервьюер. Я не понимаю, почему мои коллеги с телеэкранов считают, что, если они посадили мальчика или девочку к ньюсмейкеру, это хорошо. Ведь они не интервьюеры, они подставки для микрофонов. Сидят, кивают. Люди забыли, что это отдельная профессия. Мы встречались с Ларри Кингом после его интервью с Путиным, я спросил: «Ларри, почему интервью с Путиным такое скучное? Ну никакое». Он ответил: «Ну вы же интервьюер, должны понять. Когда он сказал “она утонула”, я понял, что мы вошли в историю. А дальше мне было неинтересно».

Любимые интервьюеры

Лучшими интервьюерами я считаю Познера, Канделаки и себя. Не буду говорить, в каком именно порядке.

Канделаки замечательный интервьюер. Да, она в своих передачах делает не политические интервью, а разговаривает с собеседниками на легкие, светские темы. Однако я уверен, что, если посажу ее на «Эхе» против кого угодно: чиновника, политика, министра, президента, — она все равно будет делать замечательные, серьезные интервью... если будет так же готовиться, так же подходить к делу, так же чувствовать клиента. Энергетика у нее есть, внимание, любопытство. Коля Сванидзе великолепно делает «Исторические хроники», а интервью у него получаются какими-то *обычными*. Из его книги о Медведеве я ничего нового не узнал, но я прекрасно понимаю, что это не вина Колина, а беда. Он задал все нужные вопросы, только потом все вырезали.

Интервью с Путиным

Путина я интервьюировал в 1997 году. Сейчас зову постоянно, а он отвечает: «Я у вас уже был». И в августе 2008-го то же самое сказал. Мы посмеялись, потому что он помнил, по какому вопросу был 11 лет назад. Он тогда работал начальником контрольного управления президента. Ему поручили выяснить, каким образом танки, отправленные на утилизацию в Мурманск, оказались в Нагорном Карабахе. Это вообще было его первое интервью в Москве, и естественно, что он его запомнил.

Темы интервью

Когда я прошу об интервью, то предлагаю тему, например:

«Давайте поговорим об СНГ». Тогда мне понятно, к чему готовиться. Я не могу спрашивать, когда выпадет снег или где купить елку. Или тогда давайте договоримся, что мы будем обсуждать Новый год.

Вот интервью с Лавровым. Я говорю: «Сергей, давай поговорим о российско-американских отношениях». Меня сейчас не волнует ни Африка, ни Китай. И я готовлюсь, вгрызаюсь в тему. А брать интервью ради того, чтобы взять интервью, мне неинтересно. Я вырос из тех штанишек. И прыгать до потолка от радости, если я задал вопрос, к примеру, президенту Чили, не буду. Солянки у меня быть не может, только конкретика. А «народные», так называемые наболевшие вопросы — это горячая линия. Включил и пошел. А вот если мы будем делать интервью с Чубайсом, тема будет определена четко: либо про нанотехнологии, либо про мировой кризис. И тогда Чубайс будет готовиться, он понимает, что ему будут задавать профессиональные вопросы. Вопросы типа «Когда выпадет снег?» или «Где купить елку?» гораздо удобнее. Но я спрашиваю то, что меня волнует. Я против политкорректности. Я считаю, есть вежливость и профессионализм. Все остальное искусственное.

Подготовка

Если бы у меня было через неделю интервью с министром культуры Авдеевым, я бы сейчас набрасывал темы — Большой театр, реконструкция, национальные языки, авторские права, электронные книги. Я встречался бы с людьми, спрашивал и так далее.

Перед встречей с министром финансов США Генри Полсоном в апреле 2008-го, когда еще никто не знал о кризисе, я поговорил с зампредом Центробанка Улюкаевым, с двумя крупными банкирами, с Алексеем Кудриным, они меня здорово поднатаскали.

Когда я ездил брать интервью у президента Литвы, я перед этим встретился в МИДе с человеком, который курирует Литву, пообщался с литовской диаспорой в Москве, поговорил с депутатами, которые хорошо разбираются в российско-литовских отношениях, словом, подготовился.

Рубашка в клетку

На интервью я всегда прихожу без галстука, всегда в клетчатой рубашке и часто без пиджака. Хотя если вы заглянете в мой шкаф на «Эхе», там целых два пиджака, один в клетку, другой парадный. На интервью надо чувствовать себя удобно, а пиджак мне неудобен и галстук меня душит. Если мне скажут: «Протокол требует», то я приду в пиджаке, но, если это будет интервью без телевидения, попрошу разрешения снять пиджак. И объясню, что я чувствую себя стесненно, это такая фобия, болезнь. К тому же я не умею их носить.

Как стать крутым интервьюером

Во-первых, надо готовиться. Вот сидит сейчас, скажем, девочка на «Вестях». Но она же не задает вопросы, она всего лишь стойка для микрофона. У нее в ухе наушник. Когда редактор диктует ведущему вопросы, он не чувствует энергетики, которая исходит от клиента.

Я своим ведущим на RTVI запретил использовать наушник. Я говорю: «Не, ребята, вы мне порушите радио, сами давайте, пусть будут накладки». Во-вторых, интервьюер должен быть любопытен, хоть что-то в клиенте должно быть интересным. В-третьих, нужно обладать собственной энергетикой, чтобы быть интересным клиенту. Даже если я понимаю, что человек никогда мне не ответит на какой-то вопрос, я все равно попробую его задать. Сразу после выборов был у нас американский посол. Мы его спросили, за кого он голосовал. Он ответил: «Это тайна, не скажу». Я снова спросил, почему такие результаты. Он сказал: «Потому что у нас появилась надежда». Это не значит, что он голосовал за Обаму, но он назвал мотивировку большинства американцев, к которому, по-моему, причисляет и себя. Нужно уметь ставить вопрос. Журналисты меня постоянно в лоб спрашивают, за кого я голосовал. Я пока никому не ответил. Пробуйте.

Телеведущий, писатель,
драматург, радио-
и телеведущий, сценарист,
режиссер Театра
им. Вахтангова

Андрей Максимов

На телевидении вел программы «Времечко», «Личные вещи» и многие другие. Был главным редактором и ведущим программы «Ночной полет» (провел 1998 эфиров). Лауреат пяти премий ТЭФИ. Член Академии Российского телевидения.

Ведущий программы «Наблюдатель» на канале «Культура» (ТЭФИ, 2015 г.). В течение 16 лет вел программу «Дежурный по стране» с Михаилом Жванецким (канал «Россия-1»), с момента создания передачи по апрель 2018 г.

Автор более 50 книг, в том числе романы «Так любят люди», «Кто вам сказал, что вы живы?», книга по психофилософии «Удовольствие жить и другие привычки нормальных людей», книга стихов «Любовь и другие подробности».

Работает в театре как режиссер и драматург. Поставил около 20 спектаклей. Последние премьеры: «Маскарад маркиза де Сада» в постановке Романа Виктюка и «Любовь у трона» — этой пьесой Максимова в его собственной постановке открылась Симоновская сцена театра Вахтангова.

Образование: заочно окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Задачи интервью и беседы

Есть три цели любого интервью, любой беседы: дать информацию, получить информацию и получить удовольствие. Вот и всё. Больше целей и для общения двух влюбленных и для интервью журналиста с президентом нет и никогда не будет.

Обычная беседа тоже ограничена рамками. У меня был только один случай в жизни, когда спор растянулся на два вечера. Мы спорили с человеком о Боге. В два часа ночи он сказал, что доспорим завтра. На следующий день вечером встретились у него дома (он был тогда с женой, и я был с женой) и продолжили беседу. Но так редко бывает. Ограничено временем всё.

Я делаю спектакль — это тоже беседа. У меня нет никакого другого оружия, кроме разговора. С артистами, с сыном, с гостями программы «Наблюдатель» я разговариваю одинаково. Никакой принципиальной разницы нету. Есть еще такая история, когда у меня берут интервью. Бывает часто, когда я спорю. Бывает, когда я пытаюсь доказать какую-то свою позицию.

Маска

Надо ли маску надевать или нет? Что это значит? Я вообще разговариваю так, а когда включается камера, должен разговаривать эдак? То есть по-другому, то есть не так, как я привык? То есть надевать маску. Мне кажется, это не нужно.

Что касается человека, которого ты интервьюируешь, то иногда необходимо снять с него маску, если тебе

нужен доверительный разговор. Как сделать так, чтобы собеседник стал самым собой? Расслабился? Я, когда читаю лекции по общению, всегда спрашиваю: «Из чего сделана маска? Из какого материала?» С моей точки зрения, она сделана из воска. Она сделана из какого-то материала, который растапливается теплом. Это такой принципиальный момент. Это действует не на всякого. Но, если человек чувствует, что ты к нему расположен, если он понимает, что стал центром твоего мира, понимает, что то, что он говорит, тебе интересно, маска может быть растоплена. Но надо иметь в виду, что, если дальше ты сорвался, обхамил его или он понял, что ты к нему неискренно относишься, он надевает следующую маску, она уже из чугуна. Ее уже нельзя снять. То есть если ты один раз обманул человека, он закрывается от тебя, и всё.

Ведь для чего люди надевают маски в жизни? Не метафорически, а буквально. Есть две цели. Первая — то, для чего надевает маску хоккейный вратарь или люди, которые дерутся на рапирах, — для защиты. Вторая цель, для чего надевает маску артист комедия дель арте, — чтобы выглядеть другим. Вот ровно для этого же люди надевают маску в повседневной жизни. Для того, чтобы защититься, и для того, чтобы выглядеть другим. Дальше, если хочешь эту маску снять, надо действовать теплом.

Но надо понимать, что маску не обязательно всегда снимать. Если перед тобой живой человек, то нужно. А если видишь перед собой социальную функцию, тогда маску снимать не надо. Потому что очень часто,

когда берут интервью у президента страны или начальника Сбербанка, этот человек интересует как социальная функция. И тогда он будет, конечно, надевать маску.

Человек — центр мира

Человек должен стать центром твоего мира. Это очень важно. И он должен понимать: то, что он говорит, тебе на самом деле очень интересно. Это невероятно трудно сыграть. И поэтому я, когда учу студентов, всегда говорю, что у журналиста должно быть очень важное качество — ему люди должны быть интересны. Он не должен их всех любить, это невозможно и не нужно, но они должны быть ему интересны.

Если человек тебе интересен, то он это чувствует. Если он тебе не интересен — не будь журналистом. Я говорю своим студентам: например, если вы сидите со своими друзьями или родственниками и вам ни с кем не хочется разговаривать, бросайте профессию. Если вы едете в такси и не беседуете с таксистом, бросайте профессию. Ты можешь быть Толстым, Лермонтовым или Достоевским, но ты не журналист, потому что журналисту люди должны быть интересны.

Отцы и дети

Я убежден: если мы говорим про интервью как про жанр жизни, очень важно, чтобы человек тебе был интересен. И незнакомый, и близкий. Это, например, очень важно, когда родители говорят с детьми. Потому что очень часто дети понимают, что не интересны

родителям. И тогда они надевают маску. То есть папа говорит: «Иди делай уроки». Ребенок отвечает: «Хорошо». Ребенок надевает маску ученика, а папа — воспитателя.

На самом деле с детьми есть всего два варианта: родители видят в ребенке либо человека, либо объект для воспитания. В 90 случаях из 100 видят именно объект для воспитания. В 90 случаях из 100 папа с мамой знают, как надо детям. Они знают дорогу к счастью и тащат на эту дорогу своего ребенка. Он не тащится. Или тащится, чтобы они отстали. В 10 случаях из 100 родители видят, что ребенок — это человек, исходят из этого и соответственно с ним разговаривают.

Если родители хотят подружиться со своим ребенком, они должны не воспитывать его, а видеть в нем равного.

Спектакль — интервью

Мне очень интересно разбираться в людях. Собственно, ничего другого я в жизни не делаю.

В Школе современной пьесы прямо во время спектакля, на сцене, я брал интервью у простых людей. Спектакль ставил Иосиф Леонидович Райхельгауз. Это был спектакль без пьесы. Скажем, он сажал двух актеров: пожилого и молодого. Например, Альберта Филозова и Вадика Долганова и говорил: «Вы отец и сын, которые не виделись 20 лет. Вот и общайтесь». Так постепенно рождался спектакль из этюдов. Райхельгауз

хотел, чтобы это действие начиналось с того, что будут приглашать звезду, сажать ее в зал, а я буду выходить на сцену и брать интервью. Я сказал: «Я уже столько брал интервью у звезд, давай буду брать интервью у простого человека и говорить с ним про любовь. Я буду предлагать желающим выйти на сцену и поговорить со мной». Райхельгауз волновался, что никто не выйдет. Выходили всегда.

Не было ни одного скучного интервью. Было не очень интересное, когда одна известная актриса просила меня поговорить с ее мамой. Мама специально готовилась, и это было скучно.

Было много разных историй, поразительных и невероятных. Например, вышла бабушка лет 70. Я спросил, счастливая ли у нее любовь. Я всегда начинал с этого вопроса. Она ответила: «Сейчас счастливая». И рассказала, что любила молодого человека, у них не сложилось, и они прожили жизнь отдельно. После смерти его первой жены, когда им обоим было под 70, он ей сделал предложение. Они стали жить вместе и живут как абсолютно счастливые люди.

Или, скажем, совершенно шекспировская история.

Парень-осетин ехал по Москве на машине, увидел девушку, она ему очень понравилась, он вышел из машины, стали дружить. Дальше у них начался роман. Потом они поехали в Пятигорск на машине отдыхать. Однажды он заправлялся на бензоколонке и услышал про Беслан. Он помчался спасать. Так быстро мчался, что попал в автомобильную аварию. Оказался

в реанимации. Девушка решила, что он ее бросил. Первое, что он сделал, когда пришел в себя, — взял телефон и позвонил девушке. Как потом выяснилось, они зачали своего сына ровно в тот момент, когда шел штурм школы в Беслане. То есть, когда там погибали дети, они зачинали новую жизнь. И это рассказывает обычный человек.

Интервью длились 15–20 минут. Опять же, почему они это всё рассказывают? Потому что чувствуют, что мне это интересно.

Система получения информации

В основе системы получения информации, которую я придумал, лежит добровольность. То есть человек хочет поговорить с вами, но не умеет. И тогда вы должны помочь ему дать необходимую вам информацию. Если он не хочет с вами разговаривать, то его невозможно заставить. Может быть, это умеют в КГБ. У них, наверное, есть свои какие-то методы, не знаю. Это другая история.

Интервью — самый распространенный вид межличностного вербального общения двух или нескольких свободных людей, в результате которого они получают друг от друга информацию. Свободных людей! Когда я стал вести психологические консультации, тоже по сути интервью, то оказалось, что я могу помогать людям в массе ситуаций. Но, когда мама присылает ребенка, который сам не хочет со мной разговаривать, он ничего не получит. Мама сказал ему «Надо идти», он идет. В этом случае толку не будет.

Если человек не хочет с вами говорить, ничего не получится. Вот если хочет, но не умеет, ему можно помочь.

Психофилософия

Я придумал систему, которую назвал психофилософия. Она помогает помогать другим. Я исходил из того, что 100% людей являются психологическими консультантами. Мы все даем советы. Вы лично, мама, жена. Не страшно вам?

Людям обычно не страшно. Они готовы советовать все что угодно, основываясь на собственном опыте, что категорически неверно, потому что Господь — Штучный Мастер. И даже опыт родителей может не пригодиться детям. Все, чем я отличаюсь от любого другого, это то, что советую, основываясь не на собственном опыте, а на основании системы, которую придумал.

У психофилософии есть много принципов, наиболее подробно они описаны в моей книге «Удовольствие жить и другие привычки нормальных людей»¹.

Какие основные? Ну, например, такой: человек сам создает свою реальность и сам за нее отвечает. Если ты живешь плохо, у тебя нет работы, нет любви, надо смотреть не на окружающий мир, а на себя и пытаться понимать, что ты делаешь не так, отчего у тебя такой мир. То есть человек сам отвечает за мир, в котором живет.

¹ Максимов А. Удовольствие жить и другие привычки нормальных людей. — СПб.: Питер, 2018.

Психофилософия исходит из того, что основным двигателем человека по жизни являются его желания. Если человек не живет так, как ему хочется, надо понять почему.

Советы нужно давать. Все психологи скажут вам, что не нужно. А я скажу — нужно. Проблема заключается в том, что надо объяснить человеку, что он и только он отвечает за свою жизнь.

Человек всегда приходит к тебе в невротическом состоянии. Психофилософия называет это «человек в трудном состоянии», то есть ему плохо. Сначала ему надо дать возможность выговориться. Человек в трудном состоянии всегда — всегда! — живет не так, как ему хочется. Вот и надо постараться понять, почему так происходит.

Если человек пришел с тобой поговорить, значит, он хочет каких-то изменений в своей жизни. Именно поэтому один из принципов психофилософии — она никогда не навязывает свои услуги. Если человек к тебе пришел, значит, у него уже есть какой-то импульс. Он хочет что-то менять, но не знает что.

Почему он создает ту реальность? Почему он сам думает, что ему категорически не везет в любви? А что вы хотите от любви? Не думал никогда человек об этом. Вы хотите семьи или вы хотите приключений? Разные люди хотят разного. Выясняется, что человек хочет приключений, они у него есть, а он страдает, что у него нет семьи. У вас нет семьи, потому что вы хотите приключений. Либо меняйте ваше желание, либо не страдайте от того, что ваше желание исполняется.

Осознанность

Есть очень важное слово в психологии — «осознанность». Проблема людей состоит в том, что они живут неосознанно. Очень многие не понимают, почему так живут. Скажем, есть два вопроса, которые приводят женщин в тупик. Вопрос номер один: «Зачем вам ребенок?» И вопрос номер — два: «Зачем вам муж?» Приходит женщина, у нее проблемы с сыном. Мы решали проблемы с сыном, решили вроде бы. Вот, у нее еще с мужем проблемы. Он духовно не растет. Он в театры не ходит. Я говорю: «Вам зачем муж?» Она выпадает на некоторое время. Потом отвечает: «Чтобы не было одиноко». Я спрашиваю: «А при чем тут духовный рост?»

Осознанность — это понимание, для чего ты что-то делаешь; понимание, зачем ты с кем-то живешь. Например, человек покупает машину осознанно. Он понимает, что ему нужна вот такая машина, для того, чтобы ездить на работу и на дачу, она жрет столько-то бензина. Дальше у него рождается ребенок. Зачем ему ребенок? Для продолжения рода? Одно будет отношение. Для счастья? Тогда чего ты ноешь? Зачем ребенок? Для того, чтобы у него учиться? Или чтобы быть твоим товарищем? Это разные отношения.

В Нью-Йоркском университете провели такой опыт. Когда я про него узнал, это очень сильно на меня подействовало. Одной группе студентов надо было написать сочинение со словами, которые обозначают какие-то абстрактные вещи: речка, лодка, лето, солнце. Второй группе надо было написать сочинение со словами,

которые имеют отношение к старости: одиночество, морщины, тоска, болезнь. Написали и те и те, а потом поменялись аудиториями. Суть эксперимента была в переходе. Все те, кто писал про старость, шли медленнее. Они постарели, пусть на минуту. Но этот опыт доказывает, что если мы осознанно себе что-то не внушаем, то неосознанно это всё равно происходит. То есть мы что-то себе внушаем всегда. Вопрос в том, делаем мы это осознанно или нет

Задача психофилософской консультации, то есть, по сути, интервью, которое я беру, — помочь человеку осознать свои проблемы. Потому что прежде, чем их решить, их надо осознать.

Ссылки на обстоятельства, на время — ничего не работает. Был такой великий психолог Виктор Франкл, его метод — логотерапия — сегодня в мире имеет сторонников едва ли не больше, чем психоанализ Фрейда. Во время войны Франкл (он был евреем) попал в концлагерь. Так вот Франкл писал: концлагерь раскрывал человека таким, какой он есть. Подонков раскрывал как подонков. А хороших людей как хороших людей. И хорошие люди не говорили, что вынуждены быть подонками, они были хорошими людьми в невероятных обстоятельствах. Кстати, Франкл использовал невыносимую, казалось бы, жизнь в концлагере для того, чтобы исследовать человека в тяжелейших условиях и написать потом книгу «Сказать жизни “Да!”»¹,

¹ Франкл В. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

которая сразу сделала его одним из самых известных психологов мира.

Франкл сам создавал свою реальность. На самом деле мы знаем немало примеров того, как люди сами формируют свой мир. Самый известный — болдинская осень. Когда во всей России эпидемия холеры, а у Пушкина болдинская осень. Почему? Потому что он не может уехать — холера вокруг. И вместо того, чтобы горевать, умирать и так далее, он писал гениальные творения.

Человек создает свою реальность и за нее отвечает.

Важно находиться с человеком здесь и сейчас

Я предлагаю всем, кто ко мне приходит поговорить или на лекции: «Возьмите лист бумаги и записывайте слева все, что с вами происходит. Начиная с того, что встал, почистил зубы, позавтракал, поехал на работу. Еду на машине на работу, общаюсь с Васей с Петей. А справа помечайте: плюс или минус. Плюс — если делаете то, что вам хочется. А минус, когда делаете по инерции, по привычке, то, что должны. Минусов всегда больше, чем плюсов. Мы всегда делаем больше по инерции, а не по желанию. Если плюсов хотя бы треть — это потрясающе. Но бывает, что их нет вообще.

Вот человек встает, завтракает тем, что он не любит, потому что надо быстрее. Терпеть не может ехать на машине, потому что пробки, но выхода нет. Приходит на работу заниматься делом, которое не любит.

И, соответственно, ему не нравятся люди, которые там находятся. Так постепенно проходит день, проходит неделя. А в субботу он едет на рыбалку, потому что он ее любит. Вот в субботу у него хороший день.

А дальше надо честно спросить себя: «А почему я делаю столько такого, чего делать не хочу? От чего я могу отказаться? Что поменять?»

Надо очень хорошо понимать: если бóльшая часть жизни состоит из того, что человеку не нравится, это неминуемо ведет к нервным расстройствам, фрустрациям и так далее.

Неприятный собеседник

Все известно, что неприятный человек вызывает раздражение. А каким образом уничтожить раздражение? Только жалостью. Человек может быть тебе неприятным потому, что у него бородавка на носу. Бесит просто. Представь себе, как он учился в школе. Представь себе! Подумай, каково ему живется. Более сложная история, если он просто гад. Вот тебе нужно беседовать с гадом. Два варианта. Первый: можешь его пожалеть — надо же, какой он мерзкий. Второй вариант: не беседуй с ним. Потому что когда я говорю, что интервью — это тет-а-тет свободных людей, то это свобода еще и от того, что мешает общению. Любая изначальная оценка: «мне очень нравится этот человек», «мне очень не нравится этот человек» — мешает.

Я вообще не оцениваю людей. Мне с ними просто интересно. Я когда-то понял, что любому есть о чем

поплакать на ночь. Поэтому любого есть за что пожалеть.

Я не оцениваю человека, который пришел ко мне на интервью: глупый он или умный. Этого критерия просто нет. Мне не надо себя успокаивать и говорить: «Давай я пожалею этого человека. Он такой мудака, я его пожалею, как он, такой мудака, живет». Потому что я изначально так не отношусь к человеку. Я ни к кому не отношусь как к придурку.

План беседы

Важный пункт в подготовке к интервью — это ум, который надо подготовить для будущего интервью. Необходимо составить для будущего интервью план, но следовать ему не надо. План — это попытка организовать будущее: я постараюсь провести беседу так-то и так-то. Это очень важно, потому что позволяет структурировать мысли в голове. А дальше, когда начинается беседа, человек может отвечать такое, что вы волей-неволей будете вынуждены уйти от плана. Это не страшно.

Есть то, что называется дорога беседы, то есть что я хочу от собеседника и какие самые главные темы мне интересно поднять. Я должен идти, абсолютно ясно понимая, как я бы хотел, чтобы шла наша беседа. При этом не надо забывать: человек может сказать такое, что я все отложу и беседа пойдет совсем по-другому.

Ванденко — выдающийся интервьюер

Он очень хороший интервьюер. Он умеет разговаривать с человеком как с человеком, а не только

с социальной функцией. Есть два подхода — социальный и человеческий. Если есть возможность показать чиновника как человека — это очень хорошая идея.

И если есть задача раскрыть собеседника, но он напряжен, отвечает официально, то как совместить в интервью социальную функцию и человеческую?

Например, если я буду разговаривать с Собяниным, то спрошу, в чем принципиальная разница между тем, чтобы быть мэром Тюмени и Москвы, и вообще каково это — ощущать город своим. Вот он едет по городу, а там свалка, он понимает, что виноват. Или видит потрясающую иллюминацию — он ощущает себя хозяином города? Я понимаю, что к губернатору каждого региона есть обязательный круг вопросов. И, соответственно, обязательный круг ответов. И я уже знаю: если спрошу у Собянина про пробки, он мне скажет, что парковки сильно улучшат ситуацию. Мол, мы развязки делаем, это очень помогает. Но мы не можем улучшить ситуацию до конца, потому что машин всё больше. Я всё знаю. Если я спрошу у него про Москву как про туристический город, он скажет, что открывается то, то и то. А если я спрошу его, что он дарит жене на день рождения, то не знаю, что он ответит. А я не устаю повторять, что хороший вопрос — это вопрос, на который вы не знаете ответа.

Подавляющее большинство вопросов к политикам — это вопросы, на которые люди уже знают ответы. Как вы, Владимир Владимирович, относитесь к развитию ситуации с Америкой? Что скажет Путин? Мы открыты для общения, хотя нам очень не нравится, как

всё развивается, но мы надеемся, что дальше всё будет лучше. Он не врёт, он так и думает. Но это понятно. Ну и так далее. А вот у меня к Путину есть один вопрос, который меня ужасно интересует. Вопрос следующий. Вот известна история, как Ельцин ему сказал: «Берегите Россию». И уехал. Путин вернулся в кабинет еще премьер-министра, посмотрел на карту России — о чем он тогда думал? Вот это мне интересно. Путину крайне редко задают вопросы, на которые задающие не знают ответа. Он еще всегда блестяще отвечает на вопросы. И всегда побеждает тех, кто его спрашивает.

Все разговоры с большинством политиков — не интервью, а расширенная форма декларации. Это чтобы человек имел возможность что-то сказать. У меня был случай. Мне банк заказал лекцию про общение. Меня вызвал управляющий и сказал: он бы хотел, чтобы я у него взял публичное интервью при его сотрудниках. Я спрашиваю: «Это в каком смысле?» Он отвечает: «Я хочу, чтобы мои сотрудники сидели, а мы с вами разговаривали». Я спрашиваю: «А зачем?» — «Мне нужно донести до них какие-то позиции». Я говорю: «Понимаете, в чём дело, я совершенно не разбираюсь в банковском деле». А он в ответ: ему нужно, чтобы человек разговаривал с ним с позиции потребителя. И я это сделал. Потом еще делал в нескольких местах, в очередной раз поняв, что интервью — это самый простой способ донести до людей информацию.

Из людей, которых уже нет с нами, я бы поговорил с Христом, Эйнштейном и Черчиллем. А что касается современников — с Дудем. Потому что я с ним не знаком.

Как спортивному обозревателю пришло в голову делать такое? Мне очень интересно, как он воспитывает детей. Что касается политиков, Владимир Владимирович Путин, с которым я с удовольствием поговорил бы, не будет со мной разговаривать. И я его хорошо понимаю. Потому что я не его уровня человек. Думаю, он не очень знает, что я есть. А из всех остальных мне интересно поговорить с Шойгу. Потому что это человек таинственный, очень для меня интересный. Но политики же все будут в маске. И будут говорить то, что положено. Вот если бы меня спросили, с кем мне интересно выпить, — это другая история. То есть без камеры. Вот с Путиным было бы выпить очень интересно. Если бы не было камер и если бы мне не сказали «Слово скажешь — убью», с Шойгу было бы выпить очень интересно. Чтобы человек расслабился. Это если говорить про политиков. Я бы с удовольствием выпил с Собчак. Но никогда бы не брал у нее интервью, потому что знаю, что она скажет. Мне не интересно.

Будущее интервью

Мы живем в такое время, когда людям очень трудно на чем бы то ни было сосредоточиться. Поэтому я с таким удовольствием занимаюсь театром. Вот на мою премьеру в Театр им. Вахтангова на «Любовь у трона» билет стоит 2500, за двоих 5000. Ты в буфете выпил шампанского на 1000 — это уже 6000! Если ты потратил 6000, то будешь волей-неволей сосредоточен час сорок (столько идет спектакль). Я не уверен, что сейчас интервью, требующие сосредоточенности, каким был «Ночной полет», будут востребованы. Люди не хотят.

Это было самое хорошее в «Ночном полете» и в «Личных вещах» — то, что люди, которые приходили ко мне на интервью, раскрывались как-то так, что это было для всех неожиданно.

Про известность

Для того, чтобы человек стал известным, нужна удача. Она в руках Бога. И ничего сделать нельзя. Нету никакого рецепта, как стать известным, потому что от человека всё не зависит. Все люди верят. Одни в то, что Бог есть. Другие в то, что Бога нет. Откуда берется удача? Почему я пригласил на эфир Новожёнова, а он позвал меня вести совсем другую программу на АТВ, а потом я пришел во «Времечко» и жизнь моя изменилась? Это что такое? Это кто сделал? Это не я сделал. Это сделала судьба. Она либо помогает человеку, либо не помогает. Поэтому, на мой взгляд, успех — это возможность делать то, что ты хочешь. Мне кажется, любой человек должен делать то, что ему нравится. То, что ему интересно. И получать от этого удовольствие. Процесс важнее результата.

Если вы посмотрите на наше телевидение сегодня, то увидите, что есть, скажем, Иван Ургант, Юлия Меньшова, Даша Златопольская. Это мастера. А есть ведущие, которые вообще ничего не умеют. На их место можно посадить любого. Они просто привязаны к «уху», и они очень знамениты. Мастерство для известности — это совершенно не критерий! Не синоним. Можно быть очень умелым, но не известным. Можно быть не умелым и известным. Можно придумать тысячу пятьдесят теорий, как приручить удачу.

Практически это зависит только от Бога. Нравится тебе делать свое дело — делай. Я очень хотел быть известным. Я придумал путь, как стану известным. Я много чего для этого придумал. Ничего не сработало. Я думал, что буду, как Захаров, ставить спектакли, они станут известными и меня пригласят на телевидение. То, что я буду брать интервью в кадре? То, что я стану ведущим программы «Времечко»? Этого у меня в мыслях вообще не было. Глупо говорить «забудьте про славу», потому что если мысли о славе возникают, то они никуда не деваются. Но если люди делают что-то и процесс для них неинтересен, то они обрекают себя на несчастную жизнь. Если вы берете интервью, чтобы стать Познером, ничего не получится. Если вы берете интервью, потому что вам интересно разговаривать с людьми, то может что-то получиться. Но даже если вы не стали Познером, то вы не зря прожили жизнь, потому что вы делали то, что вам нравится.

Тележурналист, ведущий
телеканала RTVI

Станислав Кучер

В 1994 г. окончил МГИМО МИД РФ по специальности «журналист-международник». В 1994–1996 гг. был корреспондентом отдела международной жизни газеты «Комсомольская правда»; одновременно с 1994 г. вел программу «Прогнозы недели» (канал ТВ-6).

В 1996 г. стал автором и ведущим еженедельной информационно-аналитической программы канала ТВ-6 «Обозреватель».

В 1997–1998 гг. — руководитель службы общественно-политических и информационных программ.

С 1998 г. — руководитель дирекции по связям с общественностью Московской независимой вещательной компании — МНВК (канал «ТВ-6»).

В 2000 г. перешел во Всероссийскую государственную телерадиовещательную компанию (ВГТРК), вел ток-шоу «Наше дело». С 2001 г. — автор и ведущий программы «Большая страница».

С 26 мая 2010 г. по 29 июля 2018 г. давал политические комментарии на радио «Коммерсантъ FM».

С ноября 2017 г. по октябрь 2018 г. — главный редактор проекта «Сноб».

С декабря 2018 г. работает на телеканале RTVI.

Задачи и приемы

Я для себя делю интервью на «портретные» и «информационные». В первом случае моя задача — раскрыть личность, во втором — получив от человека информацию, раскрыть тему, в которой он является специалистом. Если мой гость — истинный харизматик, звезда в самом настоящем смысле слова, яркая и популярная личность, я ставлю перед собой ясную цель: нарисовать максимально точный портрет собеседника, раскрыть его, а точнее, помочь ему самому раскрыться с самых разных сторон. Например, так, чтобы зритель после эфира сказал, пошел бы он с этой звездой в разведку или нет. Другая история — когда я приглашаю гостя в студию как эксперта по некоей проблеме. В этом случае мне интересны не харизма или личные качества человека, а информация, которой он способен поделиться. Тогда моя цель — во что бы то ни стало разговорить собеседника, расположив его к себе или, наоборот, спровоцировав на жесткий разговор-дуэль. Когда я был совсем молодым и нахальным, вызывал на «дуэль» всех подряд и часто был бит. А в итоге понял, что даже «победа» работает, если повезет, на мое эго или в лучшем случае рейтинг, но не на главную задачу — донести до зрителя правду. Расположить к себе так, чтобы человек выложил все, что знает, — сложнее, но намного эффективнее. Еще один распространенный прием — прикинуться, грубо говоря, дурачком. Это вообще важно для журналиста-интервьюера — не бояться задавать «простые» вопросы, не бояться показаться гостю, а то и зрителю проще, чем ты есть на самом деле. В политической

журналистике особенно полезно прикидываться менее информированным собеседником, чем ты есть, ведь политики — животные эгоистичные и тщеславные. Ты знаешь ответ, но все равно задаешь вопрос. Ведь зрители могут не знать ответа, или ты предполагаешь, что зрителям важно услышать его именно от твоего собеседника.

Интервью с Сергеем Мироновым

Как я понимаю, его предупредили, что я непростой человек, придерживаюсь весьма оппозиционных по нынешним временам взглядов и со мной нужно быть осторожнее. Когда он пришел, я почувствовал: человек закрыт. Я надел маску простого парня, которому всего-навсего интересно, как устроена политика, и с которым можно говорить обо всем на свете. Опять же, все люди разные: одного ты расслабляешь интеллектуальным анекдотом, другого — жесткой историей. Важно не ошибиться. В какой-то момент я начал играть, смотреть на Миронова чуть ли не как на кумира. Зритель это редко замечает, поскольку речь идет о секундах: легкий кивок головой, понимающая улыбка, прямой взгляд в глаза. Я говорил: «Многие зрители не разбираются в политических процессах, они думают, что вся эта борьба между “Единой Россией” и “Справедливой Россией” искусственна. Вот вы можете доказать, что это настоящая борьба?» Был момент, когда Миронов, наверное, поверил, что я на его стороне, хоть завтра готов вступить в его партию. И, конечно, он говорил такие вещи, которые никогда бы

не сказал в эфире. Во второй части передачи я уже стал на него наседать и задавать жесткие, неприятные для власти вопросы, но он не заметил перемены. Если бы это интервью показали на федеральном канале, был бы очень большой скандал. На вопрос «Что такое, на ваш взгляд, план Путина, который дружным хором воспевали все федеральные каналы?» Миронов неожиданно эмоционально ответил (цитирую почти дословно): «Да бред это, а не план Путина! Нет никакого плана! Только в “Единой России” и знают, что это такое!» Когда он говорил о нарушениях «Единой России», то привел пример, как одного депутата арестовали и чуть не посадили в тюрьму, — мол, вот к каким методам прибегает партия власти. Я спрашиваю: «Неужели вы, третий человек в государстве, который может напрямую общаться с Грызловым и даже президентом, не воспользовались этой возможностью?» Он ответил: «Вы попали в точку. Ситуацию спасло только вмешательство президента». Счастье власти, что наш канал тогда еще не был настолько востребован. Окажись наш разговор в эфире Первого канала, был бы грандиозный скандал. Кстати, двумя годами позже, когда в эфире у Владимира Познера тот же Миронов озвучил куда более мягкую критику ЕР, такой скандал случился! Мораль вот в чем: если бы я сразу показал себя «либералом», демонстрировал свое истинное отношение к власти, начал спорить и резко возражать, Миронов бы сразу закрылся и не ответил ни на один вопрос. Интервьюеру нужно играть роли, при этом оставаясь самим собой. А выводы пусть делают зрители.

Интервью с Жириновским

Как и многие журналисты, я часто брал интервью у Жириновского, но один разговор запомнился особенно. Мы разговаривали в его собственном поезде, на котором он каждый год колесит по стране, агитируя за себя и свою партию. Я и так знал, что большими политиками его уровня становятся люди с очень серьезными внутренними комплексами, как правило, с детства несчастные, в чем-то ущербные. Так вот, мне было важно, чтобы Жириновский сам, на собственном примере этот тезис подтвердил. Выдал какую-то правду о себе, об особенностях своего характера... Кто-то мне говорил, что Жириновский в детстве воровал, и я хотел, чтобы он в этом мне признался. Битый час я «наслаждался» его банальным «красноречием», но получил достойную награду за терпение. Когда я почувствовал, что «клиент готов», я попросил его привести пример успеха, которого он добился еще в детстве и который бы отразился на его жизни. Он ответил, что родился в бедной семье, но «был самым сытым ребенком». «Наконец, я воровал, — сказал Жириновский, — таскал конфетки из магазина. Было опасно, но это только заводило меня!» Он с гордостью рассказывал, что в 30 лет уже был богатым человеком. Для него это был разговор о своей состоятельности. По его вспотевшему, самодовольному и одновременно очень напряженному лицу было понятно, какими качествами должен обладать человек, чтобы оставаться политиком в нашем государстве. Ну а после таких откровений он уже с легкостью говорил совершенно нетипичные для него вещи о природе нашей власти, о русском народе,

о Ельцине и Путине... Мне кажется, многие молодые журналисты, когда им поручат сделать интервью с таким человеком, как Жириновский, скажут, что он паяц, шут и говорить с ним не о чем. Это ошибка. Подойди к делу с искренней заинтересованностью и изобретательностью — и самый банальный собеседник превратится в уникального ньюсмейкера.

Разнос собеседника

В 2003 году, накануне очередных думских выборов, я брал интервью у единороссов. В большинстве своем они казались мне людьми, недостойными представлять мой народ, мою страну. В гримерке перед эфиром они цинично шутили и ничуть не скрывали, для чего им нужна власть, насколько «важен» для них народ российский. Но, заходя в студию, тут же превращались в «настоящих» народных избранников. Короче, я старался, чтобы они в эфире срывались, сбрасывали с себя все эти красивые маски! Знаете как? Была в «ОСП-студии» такая пародия на Караулова. К нему приходит гость, и он его представляет: к нам пришел Иван Иванович Петров, директор завода такого-то. Мы с ним будем говорить о том-то. И ни с того ни с сего заявляет: «Иван Иванович, а вы еврей». Тот отвечает: «Андрей, вы ошибаетесь, я русский» — и продолжает рассказывать о своем заводе. Караулов смотрит снова: «Подождите о заводе, вы же еврей». Тот оправдывается: мол, да что вы, посмотрите, у меня нос курносый, не похож я на еврея. Караулов слушает несколько секунд, а потом снова: «Нет, теперь я понимаю, вы еврей». Человек начинает раздражаться. И в конце концов Караулов заявляет:

«Я понял, вы, Иван Иванович, — антисемит». Эта пародия недалеко от истины. К такому приему часто прибегают. Если ты не испытываешь ненависти к собеседнику, но хочешь его обставить, шанс на успех выше, чем если твой разум замутнен злобой.

Пример для журналистов и юристов из Голливуда

Есть такой фильм, он называется «Несколько хороших парней». Главные роли играют Джек Николсон, Том Круз и Деми Мур. Этот фильм о дедовщине на американской базе Гуантанамо. На базе погибает солдат, которого замучили сослуживцы по приказу начальника базы (его играет Джек Николсон): избить, но не убивать. А они не рассчитали сил, не знали, что бедняга был болен. Расследование поручают адвокатам-белоручкам (их играют Том Круз и Деми Мур), никогда не нюхавшим пороха. В финале идет суд, и задача адвоката — доказать, что приказ подводил под монастырь солдат, а начальник базы остался бы чистеньким. Герой Круза понимает, что шансы отстоять справедливость стремятся к нулю, на базе царят свои законы. Доказательств того, что именно персонаж Николсона отдал приказ, нет. И адвокат провоцирует начальника базы, стараясь вывести его из себя.

— Вы, наверное, опытнее нас всех?

— Да, а ты — щенок, не нюхавший пороха.

— На вас здесь каждый день смотрят десятки кубинских АКА-47?

— Именно так. А я защищаю ваши жизни.

— И поэтому вы имеете право на свои правила?

— Да.

— И вы отдали этот приказ?

— Да, я отдал этот чертов приказ.

К нему подходят полицейские, берут под руки, и тут начальник понимает, что проговорился. Но он по-прежнему не считает свой приказ преступлением.

Задача журналиста часто заключается в том, чтобы сорвать маску с собеседника.

Интервью с сотрудником ФСБ

В интервью с представителем спецслужбы мне было важно показать его психологию, показать, что фанатизм человека в погонах, которому законом дано право носить оружие и стрелять на поражение, в тысячу раз опаснее фанатизма обычного человека. Мы разговаривали о его трудной работе, о том, в «каком дерьме оказалась страна», об олигархах, которые вывезли капитал, о 1990-х. В какой-то момент я заметил: «Смотрите, у вас на руке часы, которые стоят столько, сколько вы за год не зарабатываете. Вы приехали сюда на дорожной машине. Обвиняете, что все воруют, но ведь в вашей среде тоже есть бандиты, все знают о том, что вы крышуете и так далее. Иными словами, вы, грубо говоря, тоже воруете». И тогда он произнес фразу, ради которой и стоило так долго с ним разговаривать. Он сказал: «Во всем евреи виноваты, они не любят Родину.

А я служу Родине, я люблю ее, мы выстрадали... У них нет права на Россию, а у меня — все права!» Иначе говоря, он считает, что ему можно воровать, потому что он любит Родину и что-то выстрадал. Он имеет право на свой кусок. Было видно, что он долго смотрел на этих олигархов, которые, по его словам, грабили страну, он был тогда капитаном или майором на маленькой зарплате, очень им завидовал и мечтал, что сам получит власть и станет таким же. Он выдал философию не лучшей части своего клана, которая стала главной неписаной идеологией российских силовиков начала XXI века.

У меня было много случаев, когда после интервью мне звонили и, то заискивающе прося, то откровенно грозя, требовали не печатать, не давать в эфир, что-то вырезать. Что это значит? То, что я хорошо выполнил свою работу.

Неинтересные собеседники

«Час Кучера» — первая моя программа, которая состоит исключительно из интервью. В месяц я работал по шесть-семь дней и записывал в день по четыре-шесть интервью. Это превратилось в конвейер, что нехорошо. Я решил: три интервью в день — максимум. А ведь когда я только начинал вести передачу, то думал: что тут трудного, сидишь, разговариваешь, тем более раньше я этим занимался, можно «колотить» программ сколь угодно! Поначалу мне часто бывало неинтересно. Например, приходит музыкальный продюсер, который делает звезд-однодневок. Он

мне неинтересен, мне не важно, как это все делается. Зачем, думал я, мне знать, как делается это фуфло? И я думал: скорее бы это все закончилось. Потом понял, что таким отношением к делу я сам себя обкрадываю, трачу свое время зря.

Умение удивляться

Когда я понял, что нужно что-то менять, то стал сначала искусственно вызывать в себе интерес к собеседнику, удивляться. Смотреть на мир глазами ребенка. Я в какой-то момент, как в одном из фильмов Джима Керри, начал говорить всему «Да». Кого бы мне ни предлагали редакторы, я соглашался. Однажды брал интервью у пластического хирурга. Он рассказывал о том, как увеличить женскую грудь, избавиться от целлюлита, а в итоге пришли к идее, что люди меняют собственное тело потому, что это проще, чем изменить образ мыслей. Они делают подчас очень опасные для здоровья операции вместо того, чтобы просто проснуться и заняться спортом или йогой. А это говорит в числе прочего о состоянии психического здоровья нации. Раньше я не дошел бы до таких выводов просто потому, что близко не подпустил к студии гостя из такой сферы, он был бы мне абсолютно неинтересен.

Знаете, говорят, изучив крохотный фрагмент человеческой кожи, можно составить четкое представление не только о самом человеке, но и о мире, в котором он живет. Точно так же, изучив любую сферу общественной жизни (от хип-хопа до нанотехнологий), можно

понять, в каком состоянии пребывает все общество. Раньше я не стал бы разговаривать с тем же продюсером всяких «Фабрик» — зачем мне, политическому обозревателю, «опускаться» до этой лажи? Сегодня, поговорив с ним, я, например, нашел ответ на вопрос, почему у нас президент, стоя на трибуне на Параде Победы, лузгает семечки, а полстраны травится суррогатным алкоголем... Мы даже не догадываемся о том, как все в этой жизни взаимосвязано и сонастроено! Или, допустим, приходит к тебе вор. У тебя есть два пути: ты можешь сказать человеку «Воровать плохо, вон из моей студии», а можешь попытаться понять его мотивацию, психологию и найти ответ на вопрос, почему в это время и в этой стране этот человек занимается именно этим. Поговорив с человеком, который проблему представляет, ты скорее поймешь, как ее решить, чем если будешь ее отрицать. Интерес должен быть обязательно. Смотри человеку в глаза, слушай внимательно, будь искренен в своем интересе. И тогда все три участника этого действия будут вознаграждены — и ты, и собеседник, и, главное, зритель.

Интервью со звездами

В 19–20 лет я сделал серию интервью со знаменитостями мирового масштаба — Рэем Брэдбери, Джоном Апдайком, Стивеном Спилбергом, Оливером Стоуном, Полом Маккартни, Збигневом Бжезинским, Ларри Кингом... Именно эта серия сделала меня звездой «Комсомолки» начала 1990-х. Большинство моих друзей и коллег тогда чуть ли не на руках меня носили, считая, что я делаю нечто невозможное. На самом деле

большая часть моих интервью была сделана по телефону. Львиная доля работы приходилась на то, чтобы достать правильные телефоны этих людей либо их друзей и затем на расстоянии тысяч километров оттенками голоса, силой убеждения или любыми другими способами сделать так, чтобы в первые же минуты общения им стало интересно продолжать со мной разговаривать, отвечать на любые, часто не самые привычные и приятные для них вопросы. А для этого нужно, поверьте, немного: просто быть искренним в своем интересе к собеседнику. Человек это всегда чувствует и откликается именно на искренность, а не на настойчивость и нахальство, как думали тогда многие рядом со мной. Конечно, здоровый авантюризм и вера в то, что нет ничего невозможного, — хорошие помощники тем самым искренности и профессиональному любопытству.

Если бы мне было сейчас 19 лет

Я бы работал с оппозицией, обязательно писал в блогах, излагал собственное мнение, брал интервью у известных людей, искал новый взгляд на то, как должен выглядеть мир. В 1990-е журналистика была востребована, но была и огромная конкуренция, а сейчас ее нет. Сейчас свободы нет, но чем меньше воздуха, тем больше драйва. В 1990-е все вокруг говорили правду, и никого это не удивляло. Тогда журналист должен был быть суперпрофессионалом, а сейчас на того, кто задает хоть сколько-нибудь честные вопросы или пишет слово «президент» с маленькой буквы, смотрят как на выдающегося профи. Сейчас проще сделать

имя в общественно-политической журналистике в интернете. Именно интернет становится обителью подлинной свободы слова и, главное, мощным средством обратной связи власти и общества. Посмотрите, ведь именно благодаря Рунету президент оказался вовлечен в скандал с вице-президентом «Лукойла» и в историю с использованием автомобилистов в качестве живого щита!

Я бы сейчас активно популяризовал йогу, позитивное мышление. Опять же, я говорю о том, что делал бы в 19 лет с тем багажом, который имею сейчас. В 19 лет я хотел стать известным, а когда стал, понял, что это не так-то просто и уж точно не главное в жизни. У меня был момент, когда я каждый день читал в одной еженедельной газете рейтинг самых лучших телевизионных передач, мне было очень важно, попадаю я туда или нет. Если не попадал, у меня портилось настроение. Сейчас мне смешно. Конечно, той известности, которая была в 1999 году, сейчас нет, но нынешняя дороже прошлой.

Любимые интервьюеры

Из зарубежных мне нравятся уже покойный американский журналист Уолтер Кронкайт, Ларри Кинг, Фил Донахью. Они и на старости лет сохранили страстную любовь к жизни, способность удивляться и интересоваться любым собеседником. В американской традиции интервьюеры — в основном зрелые люди, нереально, чтобы в 23 года человек становился известным журналистом, как это было у меня. Они интересуются

разными людьми, находят любопытное в любом человеке, понимают, что каждый — вселенная. Это же относится к Познеру. Он работает в жестких рамках и в предложенных условиях делает это хорошо. Как я понимаю, он считает, что можно пожертвовать мелким во имя главного, можно не задать каких-то вопросов и все равно добиться результата. Познер — представитель той старой школы журналистики, которая предполагает владение эзоповым языком. Я же — представитель 1990-х, плюрализма, мы мыслили себя свободными. Советским журналистам, к которым и относится Познер, немного проще. Мне сложнее приспособливаться, я дышал другим воздухом. Конечно, Познер не задает тех вопросов, которые я бы задал как зритель, и мне этого не хватает.

Мне нравится Максимов, ему всегда интересен его собеседник. Бывает, шутят, что он спит в эфире. Но это просто один из способов показать свое отношение. Он как бы говорит политикам: мол, вы сюда пришли такой важный, думаете, что от вас всё в этом мире зависит, все должны ходить по струнке, а ничего подобного. Мне кажется, в чем-то наши подходы к интервью похожи.

Венедиктов — самый информированный журналист России, один из самых лучших и мастер интервью ради информации. Если брать портретные интервью, то лучше Максимов. Тина Канделаки — милая девушка, офигенная дикция, любит поговорить... Берман и Жандарёв, наверное, симпатичные господа, но точно не интервьюеры. Временами они забавно смотрятся,

но это не интервью. Они играют в театр, разыгрывают какие-то мизансцены, они не ведут разговор с гостем, им это неинтересно. Они соревнуются, кто из них задаст более красивый вопрос. Они телевизионщики, а не журналисты, а это далеко не одно и то же. Когда они получили ТЭФИ как лучшие интервьюеры, стало досадно за академию и радостно, что я в ней не состою.

Тележурналист, ведущий
программы «Познер»
на Первом канале

Владимир Познер

Владимир Познер родился в Париже, но после оккупации Франции немецкими войсками в 1940 г. семья вынуждена была уехать в США. В конце 1948 г. Познеры переехали в Германию, где Владимир окончил школу.

В конце 1952 г. семья переехала в СССР.

В 1953 г. Владимир Познер поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова на биолого-почвенный факультет.

После окончания университета зарабатывал на жизнь научными переводами с английского и на английский, увлекался художественными переводами английской поэзии, чем обратил на себя внимание С.Я. Маршака. По приглашению Маршака стал его литературным секретарем (1960–1961). В печати стали появляться некоторые его прозаические и поэтические переводы.

В октябре 1961 г. поступил на работу в АПН, затем в 1970 г. перешел в Комитет по телевидению и радиовещанию (впоследствии Гостелерадио СССР) в качестве комментатора главной редакции радиовещания на США и Англию.

До конца 1985 г. ежедневно вел свою радиопередачу. За работу по освещению Олимпийских игр в Москве награжден медалью «За трудовую доблесть».

В 1986 г. стал лауреатом премии Союза журналистов СССР. В декабре 1985 г. — ведущий телемостов Ленинград–Сиэтл («Встреча в верхах рядовых граждан») и в декабре 1986 г. — Ленинград–Бостон («Женщины говорят с женщинами») — дебют Познера на отечественном ТВ. В 1986 г. Познер стал политическим обозревателем ЦТ, а в апреле 1991 г. из-за разногласий с руководством покинул Гостелерадио СССР.

В сентябре 1991 г. получил приглашение от американского тележурналиста Фила Донахью вести совместную передачу в прямом эфире. Уехал в США, где в течение нескольких лет вел программу «Познер и Донахью» на канале CNBC.

С 1996 г. Познер вел в США еще одну авторскую программу — «Итоги недели» (Final Edition). В то же время начиная с 1993 г. Познер, живя в Нью-Йорке, каждый месяц летал на работу

в Москву, чтобы записывать еженедельные программы «Мы», «Человек в маске», «Если».

В США у него вышли две книги: «Прощание с иллюзиями» (1990) и «Свидетель» (1991). Первая стала национальным бестселлером и держалась в престижном списке газеты *The New York Times* в течение 12 недель.

В апреле 2000 г. вышла пилотная программа из нового цикла «В.В.П.» («Весьма важная персона»). Проект начал разрабатываться еще в 1996 г., однако тогда программа в эфир не вышла.

В феврале 1997 г. Познер вернулся в Москву, где продолжил вести программы «Мы», «Человек в маске», а также радиопрограмму «Давайте это обсудим» на радиостанции «На семи холмах». В 1994 г. был избран президентом Академии российского телевидения и возглавлял ее до 26 октября 2008 г., когда на чрезвычайном общем собрании членов академии снял свою кандидатуру с голосования на должность президента. В 1997 г. вместе с супругой открыл в Москве «Школу телевизионного мастерства» для молодых региональных журналистов.

С ноября 2000 г. по июль 2008 г. Познер вел еженедельное общественно-политическое ток-шоу «Времена» на «Первом канале». В сентябре 2008 г. объявил о закрытии этой программы.

17 ноября 2008 г. на Первом канале состоялась премьера авторской передачи «Познер».

Награжден золотой медалью Общества «За лучший мир» (США, 1997), призами «Золотой гонг», «Лучший телеведущий» фестиваля «Масс-медиа-94», специальным призом жюри фестиваля телепрограмм «Бархатный сезон» 1995 г., призом «Золотое перо» Союза журналистов России, орденом «Знак Почета». Ассоциация иностранных корреспондентов присудила ему премию Дмитрия Холодова «Лучший репортаж о России».

В 1998 г. программа «Человек в маске» стала победителем Национального телевизионного конкурса «ТЭФИ» в номинации «Ток-шоу», а в 2001 г. программа «Времена» — в номинации «Публицистическая программа».

Что такое интервью?

Для меня это самый интересный журналистский жанр. На мой взгляд, нет ничего интереснее раскрытия человека. Вот и всё. Вы говорите, Венедиктов считает, что раскрыть человека невозможно? Может быть, мы с ним по-разному понимаем слово «раскрыть». Конечно, полностью раскрыть человека не получится, но можно многое сделать, чтобы зритель понимал, что это за человек. Причем именно зритель. Я думаю, телевидение самое сильное средство, потому что помимо слов есть звук, выражение лица, глаз, поза, то есть язык жестов. Сразу становится понятно, искренен ли человек, насколько он волнуется, отрабатывает номер или нет. Я думаю, что человека целиком вообще невозможно раскрыть, но нужно попытаться понять, с кем ты имеешь дело. У кого-то это лучше получается, у кого-то хуже.

Задачи

Я делал интервью с Иваном Ургантом и представил его с необычной стороны, он был совсем не похож на себя, раскрыл неизвестную его грань. Я Ивана знаю очень хорошо, он очень глубокий, серьезный, небезразличный человек, но его больше представляют как остроумного и доброго. Я хотел, чтобы он показал свою серьезность. Чтобы поняли, что этот человек думающий, страдающий, что это более богатая фигура, нежели о нем принято думать. Конечно, у интервью разные задачи, но главная — показать человека. Понятно, что, например, с Кудриным я буду говорить об экономике,

но в то же время задам ему такие вопросы, чтобы понять, кто, по его мнению, Путин. Хотя, если придет Путин, я буду заниматься тем же, то есть пытаться понять, кто же такой Путин.

Секрет успеха

Конечно, об этом должны говорить другие люди, нет ничего труднее самоанализа. Но я думаю, что это сочетание многих факторов. Это сопряжено с моими способностями, интересом, надо уметь слушать, это важнее, чем спрашивать. И уметь слышать недосказанное. Нужно иметь определенную настройку. Я родился с журналистским слухом. Однако я очень много работал и работаю. Думаю, причина моего успеха — огромная работа и интерес к тому, что происходит вокруг меня. Журналист, наверное, и отличается от подставки под микрофон тем, что он любознателен, небезразличен и у него есть чувство долга перед аудиторией. Не перед партией, не перед государством или начальством, а перед зрителями. Его задача — максимально дать информацию, не окрашивая ее в свои субъективные мнения, а именно позволить аудитории самой сделать вывод на основе информации.

Допрос или разговор

Когда я чувствую, что человек уходит от вопросов, наговаривает массу словесной шелухи, я начинаю давить. Например, Фурсенко — член команды, он должен соблюдать определенные правила, и я его понимаю и даже сострадаю ему, но не беру это в расчет.

Я требую ответа. Ведь я выступаю от имени зрителей. Они не смогут спросить его напрямую, потому что никогда не попадут к нему на прием, поэтому они задают вопросы через меня. Если Фурсенко пытается их обойти, я оказываю давление, это правила игры.

Штука с портфелем

Я задал Фурсенко вопрос от зрителя: «Почему нашим детям приходится носить тяжелые ранцы, набитые учебниками? И что делается в этом направлении?» После этого я достал из-под стола тяжелый школьный ранец, дал его Фурсенко. Это понятно зрителю. Если бы я просто спросил, знает ли он, сколько весит портфель, он бы сказал: «Ну нет, не очень, иногда больше, иногда меньше» и так далее. А здесь конкретный портфель конкретного первоклашки, куда уж понятнее.

Интервью с президентом Чувашской Республики Николаем Федоровым

Он показал себя таким, каков он есть. Делает довольно громкие заявления, несколько пафосный, высокого о себе мнения. Это все видно. Моя задача никогда не сводится к тому, чтобы спорить с гостем. Это программа не о Познере, а о человеке, который пришел на передачу. Что от него можно ожидать, какой он? Мне очень понравилось, что на некоторые вопросы он ответил, как мне кажется, искренне. Я много езжу по России, был в Чебоксарах, могу сказать, что этот город далеко не потемкинская деревня и производит хорошее впечатление. Конечно, чувствуется, что Федоров — удельный князь. Но, ребята, вы же сами хотели,

чтобы его назначали. Большинство россиян говорят: мол, правильно, что отменили выборы. Так что вы имеете то, что имеете. А что касается экономической стороны жизни в Чувашии, у меня просто не было данных. Не буду спорить, критических вопросов я ему задавал немного. Это мой недочет.

Цензура

Конечно, рамки есть всегда. Свобода слова, свобода печати — это коридор. Он может быть очень широкий или узенький, но стены всегда есть. Попробуетесь пробить стены — в лучшем случае лишитесь работы. Я не работаю в штате Первого канала, так что меня вызвать на ковер невозможно. Я посылаю всех подальше. Меня нельзя уволить, нет кабинета, нет шофера, у меня покупают программу. Могут, конечно, отказаться от программы, но орать на меня никто не может. Это важный момент. Я давно принял решение никому не служить. Я независимый человек. За годы заработал достаточно денег, чтобы быть независимым. Если я завтра потеряю работу, на паперти не окажусь. Более того, уровень моей жизни не изменится. И начальники это понимают. Я не могу сказать: «Это нельзя говорить». Как это нельзя? С другой стороны, я понимаю, что, если человек покупает мою программу, он же не кота в мешке покупает. Он должен хотя бы знать, кто у меня будет в гостях. И потом я же должен думать, для чего я говорю. Я хочу показать, что я крутой? Я должен идти на определенный компромисс? Да. Вопрос в том, на какой. Это даже не самоцензура,

а ответственность. Я могу сказать в прямом эфире, что я категорически не согласен с политикой Путина. Скорее всего, после этого программа перестанет выходить. Это стоит того? Нет. Но если я не могу сказать, что думаю об избирательной системе, при которой невозможно это и это, тогда мне останется лишь извиниться. Конечно, есть допуски. Когда мы изначально договорились с Константином Эрнстом об этой передаче, он сказал: «Есть три человека, которых я прошу не приглашать». Я говорю: «Три человека? Договорились. Но не четыре, не шесть, не восемь».

Я знаю, что ему звонят из кремлевской администрации, выражая недовольство, но мне он никогда об этом не говорит, а мне самому они никогда не звонят.

Ходорковский

Я про него спрашивал в интервью с уполномоченным по правам человека в РФ Владимиром Лукиным. Про Ходорковского буду продолжать задавать вопросы. Ведь нужно понимать, зачем работаешь. Мне кажется, некоторые мои коллеги делают это для себя — посмотрите, мол, какой я крутой и так далее. Зачем? Я искренне хочу, чтобы в России возникло гражданское общество. Все, что я делаю, я делаю для этого. Так произошло, что я имею доступ к экрану, значит, коль скоро у меня есть такой инструмент, я должен этим пользоваться. Знаете, люди говорят: «Я не пойду голосовать, это бесполезно». Я на это отвечаю: «Тогда не жалуйся».

Один в поле воин

Я прочитал потрясающую историю, которую описала журналистка «Эха» Нателла Болтянская. В 1940 году в Каунасе перед японским консульством собралась гигантская толпа евреев, которые бежали от гитлеровцев в Советский Союз, оказались в Литве, но формально их должны были выслать обратно. Единственный путь спасения — транзитные визы через Советский Союз. Те посольства, которые могли это сделать, отказались. Беженцы нашли выход на японского консула, попросили дать им возможность через всю страну проехать в Японию. Этот человек засел в консульстве и несколько дней с утра до вечера выписывал визы. Когда закрыли консульство, он продолжал это делать в гостинице, а потом из окна поезда, увозившего его из страны, бросал бланки с печатями. При этом ему было запрещено это делать японским МИДом. Много лет спустя, когда его вдова приехала в Израиль, всплыла цифра, что благодаря ему реально живут 50 000 человек¹. Поэтому я не согласен с тем, что один в поле не воин. Это не так.

Познер лавирует, не может сказать прямо, извивается...

Я не согласен с такими высказываниями. Я знаю, что бытует такое мнение. Журналистский мир раскололся на две части. Одна за режим, другая — против. Противники охаивают все подряд, апологеты хвалят. А где тот журналист, который скажет «Вот вам информация,

¹ Приблизительные расчеты: около 6000 спасенных, а также их дети и внуки. — *Прим. ред.*

разные мнения, сами решайте»? Я считаю, что это и есть журналистика. От меня же и те и другие хотят, чтобы я занял ту или иную позицию. Тогда я пропагандист, а не журналист, я занимался этим, больше не хочу. Считаю, что наиболее беспристрастен в оценках Венедиктов. Не знаю, как он себя чувствует, но я себя чувствую одиноким. И те и другие меня осуждают.

Коллеги

Я очень высоко ценю Венедиктова. За знание вопроса, за язык. Хотя иногда мне кажется, что он бывает грубоват. Сергей Бунтман с «Эха Москвы» достоин всяческого уважения за эрудицию и объективность. Хотя он резче Венедиктова в оценках. Что касается телевидения, почти никого не могу назвать. Кучера ценю, Марианну Максимовскую. Хотя она все-таки занимает определенную позицию, и о беспристрастности зачастую говорить не приходится. Очень высокого мнения о Парфёнове. Правда, его давно нет на экране.

Ларри Кинг — это смешно. Я очень хорошо его знаю. На самом деле он пользуется большим успехом, потому что никогда не задает трудных вопросов. Он при этом никогда не готовится, говорит — чтобы быть спонтанным. Для меня самый яркий пример, когда он брал интервью у Путина. И когда он спросил о «Курске» «Что произошло с лодкой?», Путин, ухмыльнувшись, ответил: «Она утонула». И все, поехали дальше. Ларри больше не стал ничего говорить, мол, я понимаю, что она утонула, но я спрашиваю: «Почему она

утонула?» В этом весь Кинг. Он недостоин своей известности. В Америке он не считается №1, но к нему охотно ходят, потому что он никогда никого не берет за горло.

Европейские интервьюеры и журналистское образование

Они понимают, что это программа не о них. У меня о наших интервьюерах всегда складывается впечатление, что они пришли себя показать. А у них этого нет. Нужно оставлять себя за дверью. Это качество лучше всего проявляется у англичан. Они лучшие интервьюеры. Возьмут, как бульдоги, и не отпустят, но очень корректно. Если вы перестаете думать о себе, у вас все получится.

Вообще, я считаю, что технике можно обучить и обезьяну, а научить человека быть журналистом нельзя. Это все-таки образ жизни. Я против того, чтобы люди шли на факультеты журналистики со школьной скамьи. Это должно быть после окончания университета. Я сам биолог по образованию. В Америке обучают иначе, там все дается на практике, разные области, интервью, полицейский репортаж. Причем там тебе профессора все время доказывают, что ты ничего не умеешь, мордой об асфальт. Таким образом пытаются добиться, чтобы ты ушел. И только те, кто выдерживает это, доходят до конца. Многие наши молодые журналисты очень безграмотно пишут. Культура письма не востребована. Культура речи не востребована. Человек мне в эфире говорит: «Он смотрит о том...» Как можно «смотреть о том»?!

Журналистов любить не надо

Они вечно копаются в грязном белье, говорят о неприятных вещах, все время что-то разоблачают. Как их можно любить? Я говорю о серьезных журналистах, а не о желтых.

Когда наступит оттепель

Думаю, тогда я смогу задавать вопросы, которые не могу задавать сегодня. К примеру, есть ли противоречия между Медведевым и Путиным, не изменились ли их отношения. Я знаю, что об этом нельзя говорить. На «Эхе Москвы» можно. Но я им всегда говорю: «Кому принадлежит “Эхо Москвы”? Газпрому. Значит, вас закрыть ничего не стоит. Но не закрывают. Почему? Потому что вы являетесь отдушиной. Вы понимаете, на кого работаете? Вы создаете иллюзию, что в стране есть демократия. Давайте называть вещи своими именами. У вас сколько зрителей во всей России? Полтора миллиона. А у меня?» Так что чем больше, тем меньше. В Америке, когда мы с Филом Донахью захотели критиковать американские автомобили, General Motors выдернула рекламу. И нам запретили критиковать.

До Путина было больше свободы

Журналисты не ощущали при Ельцине того пресса. Сегодня он очень чувствуется. Тогда, строго говоря, не было оппозиционной журналистики, была критика, и всё. Было меньше заказухи. Я говорю о телевидении. Есть люди талантливые, но сказать сейчас, что среди них есть образец для подражания, я не могу.

С кем бы хотел поговорить

Из почивших — с Леонардо да Винчи. Человек, которого я совершенно не понимаю. Я не понимаю, как он писал, придумывал. А из ныне живущих — с Обамой. Не вижу никаких выдающихся людей. Разве что Маркес. Обожаю его книги. Больше всего я люблю разговаривать с людьми искусства.

Никому не удалось поставить меня в тупик

Я сам стараюсь быть откровенным, но есть сферы, в которые я не пускаю. Мне часто не нравятся интервьюеры, потому что они не подготовлены, мало читали, неэрудированны, задают глупые вопросы. Когда интервьюер хороший, я получаю удовольствие. Когда я собирался брать интервью у Билла Гейтса, меня предупредили, что, если ему станет скучно, он или заснет в кресле, или просто встанет и уйдет.

Мы проговорили больше часа.

Вопрос самому себе

Для меня лично есть один общий вопрос: «А ты уверен?» Я очень сомневаюсь в том, что я делаю и говорю.

Марсель Пруст

Мне очень понравилась анкета Марселя Пруста. По сути дела, все отвечают на нее всерьез, специально не готовятся, чтобы отвечать спонтанно. Я сам отвечал на ее вопросы. Всех шокирует мой ответ по поводу Бога — что бы я у него спросил? Я спросил бы: «Как тебе

не стыдно?» Почему? Я не верую, потому что не верю, что есть разумное начало, которое допускает бесконечные страдания совершенно безвинных существ, свидетелями которых мы являемся каждый божий день. Я не могу поверить, что маленькие дети пухнут от голода, по их лицам ползают мухи и на то есть воля какого-то высшего существа. Я не могу поверить, что можно допустить холокост и так далее. Если это так, то я спрашиваю:

«Как тебе не стыдно?»

Дмитрий Губин

Журналист
и телеведущий

Детство провел в Северной Африке.

Учился в Москве на журфаке МГУ им. М.В. Ломоносова, на одном курсе с Сергеем Пархоменко и Дмитрием Рогозиным.

По распределению был направлен из столицы в Волоколамск в редакцию районной газеты. Через год уволен за профнепригодность.

В 1987 г. переехал в Ленинград. Работал в журнале «Аврора», затем собкором «Огонька», редактировал русскую версию ежемесячника *Pulse St. Petersburg*.

С 1987 г. стал вести ежедневное ток-шоу из столичной студии «Радио России». Первый раз вышел в эфир «Маяка» в 2002-м.

Вел программу «Вести» на канале РТР, был постоянным колумнистом журналов *GQ*, «Огонек» и еще десятка изданий.

В 2004 г. работал в Лондоне на BBC World Service.

По возвращении стал главным редактором мужского журнала *FHM (For Him Magazine)*.

Несколько лет являлся ведущим соведущим программы «Временно доступен» на канале ТВЦ. До октября 2016 г. обозреватель радиостанции «Коммерсантъ FM».

Лауреат премий журналов «Огонек» и *Elle*. Обладатель «Золотого микрофона».

Наглость

На РТР у меня были 7-минутные интервью под названием «Гость в студии» сразу же после программы «Вести». Первый эфир — с тогдашним главой МВД Рушайло. Мне поставили задачу с ним очень жестко поговорить. Я так и сделал. После эфира к Рушайло подошел мой руководитель и сказал: «Зачем на парня наезжаешь? У тебя было 7 минут, мог бы ему и ответить». Так что начальство меня покрывало. В эфире я мог задавать любые вопросы, какие считал нужными. Причем с некоторыми гостями, как с Шанцевым, у меня остались хорошие отношения, хотя в эфире я с ним был очень жесток. Во время интервью я ему подарил амбарный замок, потому что он хотел закрыть в Москве все чердаки из-за взрывов на Гурьянова и в Манеже. Сняли меня в 2000-м по прямому указанию Березовского. Выкинули с эфира из-за интервью с Геннадием Селезнёвым. Я был наглым парнем и задавал вопросы, которые другие не задавали, а ходили слухи, что Березовский хотел подмять под себя Второй канал и поставить на «Вести» своего человека. Видимо, я попал в рейтинговую оценку ВЦИОМа — раньше он оценивал популярность ведущих. Это было круто. Люди сейчас сидят каждый день в прайм-тайм, и их все равно не помнят. А меня помнили, наверное, за наглость.

Приемы

Если это ток-шоу один на один, то все самые отвратительные вопросы я проговариваю с гостем до эфира.

Мне, конечно, не хватило силы духа спросить Ренату Литвинову до эфира: «А как вы отнесетесь к тому, что я спрошу вас об отношениях с Земфирой?» Я вообще не люблю вопросы о личной жизни. И тем не менее всегда задаю их, но — до эфира.

Объясню почему. Самые гнусные вопросы обычно построены на мифах. Есть миф о том, что Селезнёв спал с Басковым, что Илья Глазунов — гомосексуал и так далее. Отличный урок я получил во время интервью с Собчаком. Провел я эфир, тогда еще на питерском ТВ, всего один раз. Говорили, что интервью посмотрела его жена Нарусова, и передачу закрыли. Собчак потом извинялся. Но неправ был тогда я. Ходили слухи, что Собчак провернул какую-то махинацию и дал квартиру племяннице. Я спросил, как он отнесется к тому, что я задам вопрос на эту тему. Он сказал: «Пожалуйста. Я жду этого вопроса». И когда я задал ему этот вопрос, он ответил: «У меня нет никакой племянницы. О чем вы еще хотели спросить?» Второй вопрос отпал сам собой. Подобные «мелочи» нужно выяснять до эфира.

«Временно доступен»

Я не смотрю, мне это неинтересно. Вообще не смотрю телевизор, не читаю журналов, потому что многое вырезается. Особенно в «Огоньке». Там вырезают в основном то, что касается моего любимого лирического героя Владимира Путина. И «Временно доступен» тоже режут. Но моя совесть чиста. Если вместо Буратино выстругали зубочистки, зритель все равно поймет, что хотели сделать Буратино. Программа пишется 3,5 часа,

а в эфир идет меньше 50 минут. Мне до боли жаль, что в программе с Рурком вырезали момент, когда у мальчика, который приносил ему кофе, сильно дрожали руки. Этот мальчик разбил две кружки, гримеры не могли гримировать, у них тряслись кисточки. Вот это было интересно, но камера не подхватила. А вообще уникальность программы в том, что мы показываем закулись. И перед программой и после. Кстати, перед программой я Рурка в своем стиле спросил: «Можно я спрошу про твою герл-френд Наташу? У тебя же она есть?» Он сказал: «Это неправда, но спрашивай». Полезно заранее задавать гостю вопросы, чтобы быть готовым к реакции на них.

Провалы

Федор Бондарчук вступил в «Единую Россию», пускает, как Петя Ростов, слезу при виде императора. Он совершенно не развивается. То же и с Мишей Ефремовым, и с Иваном Ургантом, который сегодня пойдет с православными хоругвеносцами, а завтра еще с кем-нибудь.

С Максимом Галкиным программа останавливалась во время записи три раза, потому что я сказал: «Пошли вы все, я ухожу из программы». Меня заставляли спрашивать то, о чем я не хотел спрашивать. Были большие конфликты. Я с Галкиным познакомился 12 лет назад, когда он еще был светлым парнем. Пугачёва, конечно, дико талантлива, но все, к чему она прикасается, почему-то превращается в дерьмо. И мне очень хотелось сказать это Максиму. Мне не давали это сделать, но я сказал. И про его замок, и в кого он превратился.

Интервью с архиепископом Илларионом

В нем я увидел трусость. Путин сказал в 2003 году, что, мол, нет выше добродетели для церкви, чем заботиться о благе своего государства. Он сказал вещь совершенно чудовищную, и Илларион попросил этот вопрос ему не задавать. Я полагаю, что у человека были основания. Другое дело, что он нес в эфире совершеннейшую антихристианскую ахинею. Когда я спросил, почему церковь писала правительственные письма в КГБ с доносами, он ответил: «Если бы не писала, ее бы уничтожили». Я возразил, что церковь не может быть уничтожена. Можно уничтожить тело, а не душу. Он сказал: «Ну, уничтожили же албанскую церковь». То, что он сказал, является церковным фашизмом, ничего более антиправославного сказать невозможно.

Игра на повышение

Один известный телеведущий учил меня играть на повышение. По отношению к герою возможны две позиции: игра на повышение и на понижение. На понижение: «Мы-то знаем, что вы все коррумпированы, и вот мы сейчас у вас такое спросим...» На повышение: «У вас есть информация, которой нет у меня. И вы со мной ею сейчас поделитесь». Я стараюсь играть на том, что люди хорошие и умные. И что они могут воспарить над этим, они могут не делать подлых вещей. Моя задача — не растоптать человека.

Интервью с Венедиктовым

Поговаривают, что он получает инструктаж на Старой площади. Этот слух довольно известен. Перед эфиром я с ним его не обсуждал. Вот если бы говорили, что у Венедиктова роман с Плющевым, я бы непременно навел справки. Ведь это неприличный вопрос. Венедиктов не котенок, он хищник. Он должен быть готов к этой ситуации. Он не просто журналист, он — влиятельная политическая фигура. Он сильный спарринг-партнер. Если ты выходишь на ринг со слабым партнером, говоришь ему: «Слева бить не буду». А если выходишь с Валувым — дело другое. По-моему, вопросы к нему у меня были вегетарианские. Обидно, что он не зовет меня на «Эхо», забивает эфир «Дурачком и пионеркой», это шоу можно назвать «Тупой и еще тупее». После ухода Доренко и Моти Ганапольского слушать «Эхо» стало невозможно. У меня ощущение, что Веник просто испугался.

Интервью с Жириновским

Однажды я Жириновского опозорил, и мне до сих пор за это стыдно. У меня была информация, что Дмитрий Якубовский, тот самый генерал Дима, пойдет вступать в партию ЛДПР. Тот самый, который по Кремлю ходил в трусах и которого посадили за воровство из публичной библиотеки. Еще никто не знал, что он войдет в список ЛДПР, а я знал, потому что за 30 секунд до эфира задал Жириновскому этот вопрос и он ответил: «Да». И я во время интервью спрашиваю: «Правда, что у вас дома большая библиотека — 5000 книг?» — «Не 5000, а 15 000». — «Я вас поздравляю, а если вам

понадобится какая-то книга, то вам всегда есть кого послать за ней в библиотеку».

Я его сделал, он даже ничего не смог ответить, потому что я отрезал ему путь для ответа. Но «сделать» человека не является моей задачей.

Детей и жен не бью

Мне принесли досье на бывшего мэра Санкт-Петербурга Владимира Яковлева, где содержались определенные данные на его сына. Я не использовал эту информацию для интервью. Нельзя бороться против отцов с помощью детей.

Дибров

У Димы особые условия в передаче. Он вступает только в тот момент, когда ему что-то интересно. У Димы нет «уха», а у меня есть, и мне в него чего только не кричат.

Режиссер — главный интервьюер

Есть вещи, которые замечает только режиссер. Телевидение — это набор образов. И, как говорит Кирилл Набутов, «успех ток-шоу часто зависит от удачно сказанного “ага”». Режиссер видит всю картинку. Я — только ее часть. Поэтому многие, казалось бы, успешные программы, проваливались, и наоборот. Телевидение — это огромная бригада. Люди, которые со мной работают, лучше видят картинку. У меня тоже свое видение. Поэтому часто возникает конфликт. В этой программе есть сценарий. Это только кажется, что

все происходит само собой. Очень часто мне подсказывают какой-то поворот. Я сам работал продюсером и подсказывал шуточки ведущим. Они ведь все время в стрессе и не всегда могут за всем уследить. Но, когда от меня потребовали, чтобы я спросил у Ренаты Литвиновой, когда она последний раз виделась с Земфирой, я страшно разозлился. Я читал ее интервью, знал, как она реагирует на подобные вопросы. Но выхода не было, спросить пришлось, мне дали сухой, короткий ответ. И все-таки совсем обойти тему, которая интересна зрителю, нельзя.

Искусство редактирования

С Витей и Кириллом Набутовыми я делал интервью и очень ими горжусь. Я расписывал их, словно это драматическое произведение, пьеса. Вечер. Кафе «Прада» на проспекте Мира. Вбегает запыхавшийся Витя Набутов. Говорит: «Ой, прости, я опоздал».

Я: «Кто опоздал? Ты опоздал?!»

Вот так оформляю интервью для журналов. Часто от тех интервью, которые я беру, не остается почти ничего. Я переписываю свои вопросы на 100%. Я могу задавать очень скучные вопросы, а получить очень яркие ответы. Ответы я оставляю, а вопросы тоже переписываю, чтобы было интересно.

Коллеги

Я считаю Диму Быкова выдающимся интервьюером. Только не писателя, а другого человека, который

работал под моим руководством в журнале *FHM*. Полный тезка, поэтому мы добавляли к его фамилии твердый знак — БыковЪ. Только он мог начать интервью с Памелой Андерсон словами: «Да, Памела, погоды нынче какие стоят». И в этом было мастерство. А интервью с Хефнером он начал так: «Привет, Хью. Как насчет засолки огурцов на зиму?» БыковЪ после расшифровки интервью все переделывал. Он переводил его с английского. Затем переписывал все свои вопросы. Получалось упоительно здорово.

Низкий жанр

Это касается газетных и журнальных интервью. Если в издании много интервью, значит, журнал слабый. Интервью — это полуфабрикат. Огурчики порезали, маслом заправили, и все. А если мы хотим иметь дело с высококачественной кухней, там интервью будет составным элементом. У интервью должна быть предыстория. Например: «Мы вошли в лабораторию профессора В. Навстречу нам вышла трехголовая собака...» Или, скажем, директор «Вимм-Билль-Данна» Давид Якобашвили беседовал с нами под землей, под магазином «Весна». Какая-никакая, а драматургия присутствует.

АТВ

Я не влияю на политику канала и не вникаю в ТВ-кухню. Я, что называется, *special guest*. Я появляюсь на АТВ, с кем-то собачусь, ругаюсь матом, но не знаю ни сплетен, ни слухов. Мне это неинтересно. Зачем

все же мне нужно вести «Временно доступен»? На телевидении платят больше, чем в журналах. Хотя жанр интервью для меня низкий, я все-таки считаю себя колумнистом.

Интересные собеседники

Меня удивил Костя Цзю. Человек западной культуры. Он уважает человека просто за то, что тот — человек. Очень простой. Не выделяется. Это редкий случай, когда мы начали на «вы», а закончили на «ты». Он сказал очень интересную вещь: «Каждый раз, когда я шел на бой, то говорил себе, что все поставлено на карту. А перед тем боем¹ сказал тренеру, что не могу ставить все на карту. И тренер меня понял». Он в какой-то момент осознал, что есть вещи более важные, чем бой. И я тоже в какой-то момент понял, что для меня не важны какие-то вещи. Я часто отказываюсь от предложений. Раньше очень хотелось заработать, теперь не так сильно.

Ярмольник долго был для меня «цыпленком табака», но, пообщавшись с ним, я изменил свое мнение. Это глубокий, тонкий человек.

Благодаря Ольге Аросевой я смог поговорить с Папановым. Мы даже схлестнулись по поводу армии. Он утверждал, что у нас не было никакой дедовщины. Я спорил.

Еще я успел сделать интервью с Андреем Мироновым. А с Янковским не успел. Очень жаль. Очень хочется

¹ Этот бой он проиграл. — Прим. авт.

сделать интервью с Германом-старшим и Сокуровым. Сокуров мне интересен по двум причинам. Я его в последний раз видел на митинге против разрушения зданий в Петербурге. Ему дали слово, но он не мог говорить, он плакал. На эту тему очень хочу поговорить. А вторая тема деликатная. Когда мой друг посмотрел его фильм «Дни затмения», он сказал, что Сокуров снял бы гениальный фильм, если бы не побоялся сказать главное: это фильм о том, насколько похабно женское тело, и о том, насколько прекрасно мужское. Сокуров каждый раз подбирается к этой теме, но в конце отскакивает в сторону.

Еще я бы хотел поговорить с Шевчуком. Мне не нравится, когда он начинает проповедовать.

Цель

Интервью затрагивает сущностные вопросы. Вопросы трусости, ломки человека, страха остаться бедным, страха смерти, сохранения верности. Зрители хотят увидеть людей, которых они знают, и получить те ответы, которые хотят услышать. Это ужасно. Мне очень интересно, например, почему Михаил Ефремов снимается в ужасных фильмах, почему Бондарчук весь такой глянцевый. Или человек такой дурак, или он продался? На чем он сломался? В интервью я пытаюсь узнать только одно: как мы стали тем, кем стали? Почему из светлых хороших ребят мы превратились в циничных людей, жлобов, рабов денег? Меня интересует только это. А если не превратились, то каким образом удастся выживать? Технология очень интересна. Или

почему, например, россияне превратились в торгашей? Я помню Россию другую, в 1990-м, в 1991-м. Не понимаю, когда произошел этот размен на деньги. У меня складывается впечатление, что я нахожусь в большом публичном доме.

Мне неинтересен Путин. Мне с ним было бы неинтересно делать интервью. Он считает, что знает ответы на все вопросы, а мне интересны рефлекслирующие люди. Когда я читаю, что он говорит, складывается впечатление, что Путин уверен, что мир устроен так, как устроен он. Грех его велик и чудовищен. Русские — пластилин, и он делает со страной что хочет.

Я хотел бы быть похожим на Кирилла Набутова

Мне кажется, что я доброжелательный в эфире. Очень нежно задаю вопросы. Но говорят, что я все-таки «злой следователь», а Дибров — «добрый». Вообще, все из-за жены. Мне хотелось быть как Набутов, а супруга заявила, что у меня никогда не получится. Мол, у меня отрицательное обаяние, я скорее Невзоров. Она очень верно поняла, что на ТВ не важно, нравишься ты зрителю или нет, главное, чтобы в тебе была энергетика. Я люблю провоцировать. Мой любимый вопрос: «Да или нет?»

Как стать хорошим интервьюером

Мальчик спрашивает старого еврея: «Как мне попасть в Карнеги-холл?» Тот отвечает: «Практика, практика, практика».

Ларри Кинг

Мне он очень нравится. Ему интересны собеседники и бытовой уровень общения. Один раз к нему в студию гость принес пингвина. Пингвин ходит по столу, а Кинг говорит гостю: «Ну вылитый сенатор Среднего Запада». Нужно обязательно смотреть программу BBC Breakfast. У них выдающаяся школа интервьюеров — ироничные, тонкие, едкие. Смотреть на BBC можно все подряд с самого утра. Там переход от информационной программы к интервью совершенно незаметен. Это прекрасный эффект непринужденного общения. Это то, что говорил Новгородцев у меня на интервью, они все gentle, то есть мягкие. Посмотрите, какие у них там объявления: «Когда будете сжигать листву, пожалуйста, переверните ее, вдруг там спрятался ежик». Эта интонация у меня постоянно в ушах. Их абсолютная мягкость и в то же время независимость поражают. В них нет подобострастия, обращаясь к собеседнику, они не перечисляют все его звания и регалии. У них все проще. Мне этой школы не хватает. Но я буду стараться.

Журналист, автор
спецпроекта
информгентства ТАСС
«Первые лица»

Андрей Ванденко

Один из самых известных печатных журналистов России, 30 лет работает исключительно в жанре интервью. Провел несколько тысяч интервью с ключевыми культурными, спортивными и государственными деятелями страны, в том числе с Владимиром Путиным.

Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко.

Одним из первых журналистов отправился освещать аварию на Чернобыльской АЭС. В качестве спецкора «Советского спорта» работал на Олимпийских играх в Пекине, Ванкувере, Лондоне, где взял десятки интервью у российских чемпионов и призеров.

С мая 2005-го по март 2014 г. подготовил более 400 интервью для журнала «Итоги».

Автор спецпроекта информагентства ТАСС «Первые лица», в рамках которого берет интервью у президента России, высших чиновников и губернаторов.

Что такое интервью?

Интервью в себя вмещает много разных поджанров: короткая беседа, экспресс-опрос, лонгрид, как сейчас принято говорить, на 50–60 тысяч знаков, информационное, когда ты разговариваешь конкретно по какому-то поводу и когда ты человека ловишь (на лжи, недосказанности. — *Прим. ред.*). Бывает интервью как реклама. То есть делаешь журналистский материал (не джинсу) таким образом, чтобы он был интересен и покупателю, и потребителю. Чтобы и заказчик был удовлетворен (тот, кто рекламирует некий товар), и тот, кто будет читать, не увидел в этом заказуху.

Зачастую журналист не виден за вопросами, он обезличен. Но есть, например, беседа как один из жанров интервью, который подразумевает более авторскую историю. В ней должны участвовать две стороны. Хотя я не очень люблю позицию авторского «Я», выражения своих мыслей. Мне больше интересно слушать, чем заявлять о себе. Пример беседы — это Дима Быков, который как раз менее интервьюер, а больше собеседник. Он соучаствует на полную, как равноправный партнер. Я все-таки в интервью как вспомогательная сила.

Юрий Дудь

Юрий Дудь — самый яркий представитель нового поколения, вокруг которого все строится. Он создал бренд, некое СМИ. Есть ТАСС, а есть Дудь. Просто говоришь «Дудь», и уже не надо ничего объяснять. Так же как не надо говорить, что ТАСС — это информационное агентство.

Дудь — шоумен, он много вкладывает в себя. И его роль уж точно не меньше того, кто сидит напротив. А мне все-таки ближе история, когда я не перетягиваю. Мне хочется раскрыть собеседника, а не показать, какой я умный, яркий, остроумный, меткий, схватывающий, подхватывающий, перехватывающий, возводящий, заводящий.

Но Дудь нашел свою нишу. Он смог ее капитализировать. Я его давно знаю как талантливого журналиста со sports.ru и только в последнее время как интервьюера на YouTube.

Мне очень понравилось его интервью с Алексеем Серебряковым, потому что это был человеческий разговор. У него хорошая реакция. Он умеет слушать. Это главное для интервьюера. Если есть зацепочка, он ее не пропускает, он за нее хватается и раскручивает клубок. Дудь хорошо держится. Он сам по себе. То есть ты о его внешности не думаешь. Ты видишь его манеру поведения. Другие пытаются подражать ему, но это всегда будет плохо. Он, безусловно, дал импульс к развитию журналистики на YouTube.

Не нравится у Дудя лишь обилие мата. Когда это происходит нарочито, меня это коробит. Я понимаю, что он этим завоевывает аудиторию. Но это его аудитория.

Профессиональные интервьюеры

Уже даже Олег Меншиков сделал интервью с Данилой Козловским, Пугачёвой. Стал брать интервью рэпер Баста.

Хотя я за профессионализм. Баста пусть поет, а Дудь берет интервью. Ровно так же, как прекрасный актер Олег Меньшиков должен сниматься в кино. Но в журналистику не надо. Если кажется, что все так легко и просто, то это не так. Есть специализация, а есть некие наклонности. Если тебе не дано, то не надо!

Портретное интервью

Сейчас я занимаюсь портретным интервью. Это лонгрид, у меня нет ограничений по объему, так как я готовлю материалы для сайта, а не для печатного СМИ.

После того, как четыре года назад закрылся журнал «Итоги» и поляна печатных СМИ скукожилась донельзя, я перешел на площадку ТАСС, которая существует только в электронном виде. Продолжил писать те же самые интервью — большие, портретные. Они теперь стали называться лонгридами, поскольку висят на сайте, к ним можно вернуться, можно читать не сегодня, а через неделю, так как там, как правило, нет оперативной информации. Значительная их часть — разговор о судьбе, о человеке.

В «Итогах» интервью располагалось в конце журнала, хотя оно было привязано к обложке — интервью, которое иллюстрируется фотографией героя на первой полосе. Спецпроект в ТАСС у меня называется «Первые лица», а там называлось «От первого лица». Но в ТАСС это более узкий сегмент, потому что речь идет в большинстве случаев о чиновниках, руководителях крупных корпораций. Иногда это могут быть какие-то узнаваемые люди, занимающие социально значимую нишу

и в политическом истеблишменте. Например, Валерий Гергиев, который, будучи дирижером и руководителем Мариинского театра, является также близким знакомым Владимира Путина.

Переход на «цифру»

От кассетного диктофона, которым я пользовался 20 лет, пришлось отказаться. Я поехал делать интервью в Вену с Дмитрием Хворостовским, к сожалению, сейчас уже покойным. Я прилетел туда на три дня и столкнулся с тем, что мой кассетный диктофон накрылся. И я как ошпаренный бегал по Вене в поисках такого же. На меня смотрели как на полного идиота. Это был примерно 2010 год. У меня был цифровой на подстраховке, пришлось его включить. Дома у меня был второй кассетный диктофон, но я понял, что это уже совсем нелепо выглядит. И я помню, как тот же Медведев смеялся над моим кассетником, спрашивал: «Вам подарить нормальный диктофон?» Я говорю: «Спасибо, у меня есть, мне так удобно». Ну, короче, «цифра» не лимитирует тебя по времени, но ты лимитируешь себя сам.

Особенности работы интервьюера

Для меня произошла не смена печатных СМИ на электронные, а смена контекста и аудитории. Потому что с момента распада СССР я работал только в частных, а не в государственных СМИ, которые мне диктовали иные рамки. Когда я попал в структуру главного государственного ресурса, это была тяжелая адаптация. Я, конечно, радуюсь за Дудя, когда смотрю его

интервью, потому что он сам создает себе формат. Вопрос его подготовленности, вопрос интереса его собеседника (кого ОН выбирает в качестве собеседника), правильного монтажа — полная свобода.

А у меня много всяких сдерживающих факторов в виде понятно чего. Я всегда визировал тексты. Сейчас этот процесс стал намного сложнее, и это связано как с работой в ТАСС, так и с работой журналиста вообще. **Журналистика все больше превращается в «чего изволите».**

Поскольку «изволите» не очень хочется заниматься, возникает проблема. Я могу задавать вопросы, человек мне может даже на них ответить, но в процессе визирования часто либо это самое ценное из текста вымывается, либо... дальше много этих «либо». Это может быть как сам собеседник, который передумал публиковать интервью, так и его пресс-служба... Случаев, когда я публиковал невизированные тексты, было считанное количество. Это были знакомые мне люди, и они говорили: «Андрей, мы тебе доверяем». Но мне проще, чтобы человек увидел интервью до публикации, чтобы я потом не испытывал дискомфорта из-за того, что неправильно понял, не так написал, не так сформулировал, а человек обиделся.

Я не могу писать ни в какое другое СМИ. Нельзя по контракту, я работаю в ТАСС, и моя фамилия должна появляться только там. Круг собеседников определяется не моими интересами. Мне всегда интересен новый человек, но формат ТАСС подразумевает беседу с чиновником, и выбирать не приходится. То есть какие

они есть, такими я и могу их показать. Я не выдумываю за человека. Хуже то, что они вычеркивают то, что сами говорят.

Проблема для меня еще и в том (эта тенденция была и раньше, но сейчас она стала данностью) — перед встречей ты должен прислать вопросы. Для меня это вилы, потому что я стараюсь с человеком беседовать. **Для того, чтобы беседовать, я должен слышать ответ.** И после этого могу сформулировать следующий вопрос. Могу для себя определить тему, которую хочу обсудить.

Но я не пишу детально вопросы на листке бумаги. А от меня это требуют. Я говорю: Ребята, а на фига?!» Я же не буду выпрашивать, условно говоря, у главы Карелии, как ловят рыбу на Дальнем Востоке или какие проблемы существуют в Новосибирском театре оперы и балета, куда пришел руководитель Владимир Кехман. Я буду спрашивать про Карелию, про взаимоотношения с соседями, про экологию, про дороги, про тарифы...

Подготовка

ТАСС — это огромная машина. Есть журналисты, работающие в определенном регионе, и я обращаюсь к ним за помощью. Они мне подсказывают, какие темы могут быть интересны при разговоре с главой каждого из регионов. Если это узкоспециализированные вопросы, то я этого не трогаю. Как показывает мой опыт, это, как правило, нужно не собеседнику, это, извините, жопу прикрывают работники пресс-службы, которые таким образом демонстрируют, что работают с журналистом. Губернатор

о моем существовании узнаёт за минуту до того, как меня увидел. У него в плане на день стоит «С 12:00 до 14:00 — интервью ТАСС», и в скобках может быть указана фамилия. И ему в папочке дают ответы на мои вопросы. Он, как правило, не читал ни вопросов, ни ответов.

Но нельзя сказать, что мои собеседники-губернаторы все неинтересные. Они разные. Я люблю ездить, знакомиться с новыми людьми. У меня есть возможность посмотреть свою страну, которую я, в общем, знаю. Но именно в общем. В детали за два-три дня погрузиться тоже не получится. Но тем не менее одним из условий этого проекта было то, что я буду встречаться не в Москве, где бывают губернаторы, а на земле, где они работают и живут. Потому что мне важно послушать и людей, не только самого спикера. Водителя, который везет из аэропорта. Официанта, когда мы разговариваем в ресторане, в гостинице. Перед тем, как идти к собеседнику, я что-то про него, про окружение, про город узнаю.

Интервью с Кадыровым

Мы долго договаривались. Я уже к тому моменту встретился с кем-то из глав Северо-Кавказского региона. Был у Евкурова в Ингушетии. К Рамзану Ахматовичу так просто не подъедешь. Надо было совершить какие-то телодвижения определенные. Я приехал в Грозный, не имея гарантии. Единственное место, где меня не встречали, это был Грозный.

Договаривались со знакомыми, которые меня встретили и отвезли в гостиницу. Я взял командировку на три дня, с запасом. К концу второго дня мне сказали:

«Сидите ждите». Я ответил: «Если нет, то я просто улетаю». В конце концов, я же приехал не просто так и не сам по себе, все-таки агентство представляю, определенную государственную структуру.

В итоге меня пригласили в резиденцию Рамзана Ахматовича. Он тренировался, а я с диктофоном переходил от одного снаряда к другому. Во время выполнения упражнений я замирал, он делал нужное количество подходов, восстанавливал дыхание и продолжал отвечать на заданные вопросы. Некоторые из них ему не нравились. В какой-то момент он подошел ко мне, приблизился на расстояние полуметра или ближе и сказал: «Ну что, спроси меня, что ты хочешь спросить? Боишься?»

Я так подумал, что ж такое я хочу спросить, и спросил, но это в интервью не вошло. Про Немцова спрашивал. Он ответил. Но я могу рассказать об этом только в рамках опубликованного интервью. В этом интервью было много любопытного. Но то, что не опубликовано, остается моим.

Там тренировались два его сына-подростка, небольших по возрасту. И тренером у них был огромный такой двухметровый чеченец. И они на него налетали как волчата. Просто дубасили его со страшной силой. Он их сбрасывал с себя, как комаров. Они опять на него лезли. Помню, я потом приехал в Москву, пришел домой и жене говорю, что надо нашего Ваню отдавать в секцию, потому что сожрут и даже не заметят. Конечно, там воспитание другое и отношение. Это интересно. Это как раз то, что запоминается во время интервью. Он прекрасно понимал, что разговаривает с журналистом,

он играл. Он не включался в том смысле, что никаких эмоций, никакой злости по-настоящему не было. Потому что я слишком мелкая для него персона, чтобы он на меня реагировал. Я его, наверное, раздражал какими-то возможными подколками, как мне казалось. Но именно для него это было — «ну чё ты от меня хочешь?». И этот вопрос «Боишься?» (там было на самом деле другое слово) был как раз из той серии — что, хочешь крутым казаться? Ну так спроси, крутой, что хочешь. Что ты вокруг да около трешься?

Интервью с Путиным

Я делал с Путиным интервью для ТАСС в 2014 году. Это было во Владивостоке. Он летел из Китая в Австралию. Мы встретились с ним в полночь по дальневосточному времени. Я этой встречи ждал уже часов семь или восемь. Заранее приехал, как положено. Присутствовал в процессе разговора и ожидания его пресс-секретарь Песков. В какой-то момент я спросил, есть ли какие-то табу либо пожелания. Мне было сказано: это твоя зона ответственности. Спрашивай, что считаешь нужным, если будет скучно, он встанет и закончит разговор. То есть ночь на дворе, понятное дело. Лимит — 20 минут. Сможешь раскрутить, значит, будет разговаривать дольше! Дело осложнялось тем, что у меня был блок вопросов, связанных с саммитом в Австралии. И это были не мои вопросы. Там находился руководитель пула от ТАСС Михаил Петров, который сопровождал Путина во всех поездках. Он с ним был в Китае, на Дальнем Востоке и собирался лететь с ним в Австралию. Мы с ним говорили, как выстроить интервью.

Задавать их по очереди? Мне показалось, что это будет совсем хреново. И мы договорились так. Будем сидеть с ним вдвоем и разговаривать с Путиным. Потому что невозможно так — один встал, другой подошел. В комнате находился Песков, люди из пресс-службы и ФСО. То есть это не было, как будто на завалинке втроем и рядом никого. Так, наверное, с первым лицом вообще не бывает. И мы договорились, что я беру свою часть разговора, потом передаю слово Михаилу и, если получится, договариваю еще. Собственно, так и вышло. Мы говорили минут 40. Я шпаргалку себе подготовил, набросал несколько тем — о том, как он себя ощущает. Украину я не трогал, он сам завел разговор. Потому что он уже много об этом говорил, и мне показалось, это опять будет набор фраз, которые я уже слышал. И я пытался что-то услышать...

Первый мой вопрос был: «Как здоровье?» Путин, как большой мастер, берет инициативу в свои руки и отвечает вопросом на вопрос! То есть что-то типа: «А что говорят?» Я отвечаю: «Вообще-то я от вас хотел услышать, говорят разное». Путин: «Не дожидетесь или не дождутся! А вы спортом занимаетесь?» То есть он тут же парирует. И поскольку у меня некоторый опыт уже есть, я к этому морально готов. Хотя это сложно. Потому что он мастерски сбивает. То есть Кадыров, Путин — это люди, которые в себе уверены.

В какой-то момент мне пришлось передавать эстафету Михаилу Петрову. Я как раз попытался это обыграть: вот вы меня спрашивали про спорт, а я им не занимаюсь, и как раз пока восстановлю дыхание, Михаил задаст свои вопросы про Австралию, а потом... А он говорит:

«Так не договаривались». Но это тоже все в шутку. Он, конечно, с точки зрения журналиста — находка.

Разговор с киллером и террористом

Вопрос в том, какая цель этого разговора. Популяризировать его я не буду. Можно попытаться понять, что движет этим созданием, почему оно убивает, какие его мотивы. А просто смакование неинтересно. Но, если брать глобально, у таких персонажей, как Саддам или Гитлер, я бы, конечно, взял интервью.

И с террористом ИГИЛ¹ тоже, потому что это уже политическая фигура, а не просто бытовой маньяк. Но если это человек зашоренный, то с таким неинтересно разговаривать. Тут очень тонкая грань. Нужно понимать любопытство человека и ответственность журналиста, потому что можно кого-то невольно увлечь этим.

Поэтому перед тем, как делать интервью с подобными персонажами, неплохо бы задать вопрос самому себе — какую цель я преследую?

Что делать, если собеседник уходит от вопроса?

Задав вопрос, можно же нарваться на грубость. Приведу пример из опыта ТАСС. Я делал интервью с Сергеем Ивановым — тогдашним руководителем администрации президента, а до этого он был коллегой Путина, они вместе служили во внешней разведке. И мы говорили в том числе и об этом.

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации

Когда мы обсуждали, о чем я буду с ним разговаривать, с его пресс-службой, я сказал, что хочу его спросить о покушении на журналиста Олега Кашина. Тогда активизировалась тема, что Кашин обвинял в покушении на убийство губернатора Псковской области Турчака. Я захотел задать вопрос: почему человек из администрации никак не реагирует на прямые обвинения в адрес губернатора? Девушка, которая руководила аппаратом пресс-службы Иванова, сказала, что не советует этого делать. Мне же показалось, что момент располагающий. Он так хорошо рассказывал, расслабился, какие-то истории пошли. И это так логически вытекало, что можно было вопрос задать. И я его воткнул!

Человек тут же закрылся. Всё. То есть он потом еще ответил на какие-то вопросы, но уже это был совершенно застегнутый на все пуговицы, закрытый человек. Я, конечно, ругал себя. Потому что я вопрос задал, но его потом все равно убрали вместе с ответом.

Что же делать в подобных ситуациях, когда вопрос очень важный, но если ты его задашь, то понимаешь, что человек после этого может закрыться? **Если острый вопрос логически ложится на конец разговора, то можно им завершить разговор.** А если видишь, что человек не расположен, зачем стучать головой в дверь? Ты хочешь, чтобы прозвучал вопрос и все поняли, что ты не «зассал» его задать? Но это немножко смешно, потому что не нужно самоутверждаться. **Аудитории не нужен вопрос, ей нужен ответ.** Если ты не получил ответа, то на хрена задавал вопрос?!

Поэтому я всегда говорю собеседнику: «Будет правильным, если я вам буду задавать разные вопросы, в том числе и неприятные. Но тексты я визирую, поэтому у вас будет возможность правильно сформулировать свой ответ». Я прямо предупреждаю, что буду задавать вопросы, которые ему не понравятся и в его понимании могут быть провокационными.

Если я все же шел на конфликт и публиковал ответы без визирования (единичные случаи), то это, как правило, заканчивалось звонком со словами: «Если ты такой мудак и ничего не понимаешь, то мы найдем на тебя управу». Управа находится в виде руководства СМИ.

Скандалистами бывают необязательно чиновники, у них есть гораздо более эффективные рычаги. То есть им не надо ссориться. Они просто перекрывают кислород, и все заканчивается. А без него дышать трудно. А скандалит как раз творческая публика. Помню, был скандал с Гурченко. Она звонила главному редактору, чтобы сказать, что я плюнул в ее душу, трепетную актерскую натуру, оскорбил своими гнусными вопросами, намеками.

Я завидую людям, которые считают, что слово — не воробей. Я пришел к тебе не чай пить. И вы пришли ко мне не кофе выпить. То есть я должен фильтровать базар. Если я не фильтрую базар, значит, отвечаю. Ну, вот была история с Песковым, который пошел на факультет журналистики в ВШЭ в программу «Точка». Потом он сказал, что ее нельзя выкладывать в Сеть, и в итоге выпуск убрали. По-хорошему, надо было публиковать. Это же не дворник и не застуканный врасплох телефонным пранкером человек.

Off the record

Приходит журналист, называя себя, представляя СМИ. Ты отвечаешь на его вопросы, а потом говоришь, что это не для печати. Если это говорится во время интервью, то я, как правило, выключаю диктофон. Для того, чтобы у меня даже записи этой не было. Но, как правило, я прошу не рассказывать мне off the record. Я не друг. Зачем вы нагружаете меня информацией, которую я как журналист не могу использовать? Она мне может пригодиться только для того, чтобы я лучше понимал ситуацию. Он мне говорит: «Это не для печати, и я вам объясню, почему не могу дальше развивать эту тему». Окей, это он мне помогает, хотя в таких случаях создается дополнительная проблема. У меня выстроен некий диалог, я планирую ведение разговора, а мне обрубается веточка, и надо куда-то сворачивать, и делать это органично. Конечно, это сложно. Но я должен понимать, что у людей свои обстоятельства. Я могу залезть на ту поляну, где им некомфортно. Должна быть взаимность.

Часто, увы, журналиста не воспринимают в качестве субъекта. То есть говорят просто: «Да пошел ты, подставка для микрофона!»

Стоит ли идти на факультет журналистики

Я разочаровался в журфаке на первой же лекции, потому что на факультете журналистике не учат. Нужно получать какую-то специальность: экономист, психолог, социолог, математик, специалист в области искусства — и уже потом надстройка в виде навыков журналиста. Надо объяснить правила написания, правила

редактуры и не более того. Потому что это, с одной стороны, ремесло, а с другой — громкое слово — призвание. Но надо иметь к этому некие наклонности. Потому что в журналистику попадает много случайных людей, как и в творческие вузы (театральные, кинематографические). Одним кажется, что они могут быть артистами. Другим — что они могут быть журналистами, а не получается. А диплом человек уже получил, и он с дипломом этим мыкается.

Писать надо много. Не знаю, нужно ли сегодня в принципе образование. Я не знаю, какое образование у того же Азара, Кашина. Я не знаю, оканчивали они журфаки или нет. Они могут вообще быть после школы. Если талантливые люди!

О Ксении Собчак и других

Она плохой интервьюер. Да, Собчак яркая, но она не раскрывает собеседника, а только провоцирует. Она плохо слушает и слишком любит себя. Юра Дудь тоже, наверное, любит себя. И я люблю себя. Это не является недостатком. Но любя себя, можно уметь слушать другого. Дудь умеет, Собчак — нет.

Если я вижу человека — собеседника журналиста, значит, этот журналист справился со своей работой. У Дудя я вижу героя. У Романа Супера я вижу героя, у Ксении Соколовой видел, когда она раньше занималась интервью. У Ильи Азара были хорошие интервью. То есть чувствуешь человека в интонациях, в ответах, в каких-то оговорках, эмоциях. Это штучный товар!

Познер — он мэтр. Что про него ни скажи, ему всё по барабану. Ему важно оставаться в кадре, какие-то свои мысли донести. Но тот, кто напротив, ему уже давно не интересен. Может быть, какие-то крайне редкие исключения, когда он берет интервью у министра обороны США или у Клинтон.

Плохое интервью

У меня было интервью для ТАСС с Депардье через переводчика, потому что я не владею французским, а он русским. Я даже не стал его писать, потому что это скучно. Мне ж не нужно поставить галочку «Я и Депардье». Мне нужно, чтобы было содержательно. А то, о чем мы говорили, было плохо. Он полез в русскую историю, которую не знает. То, что я пытался спрашивать о нем, ему было неинтересно. Поэтому мы разговаривали буквально на разных языках. Потом, западная журналистика, как мне кажется, строится совсем по другим принципам. Там нет интервью в печатном виде. Прямая речь не воспроизводится дословно. Есть некие выдержки, которые журналист потом комментирует, интерпретирует.

Будущее жанра и снова Дудь

История молодых и ярких, как тот же Дудь, вселяет надежду, что это все-таки востребовано. Потому что у него миллионы подписчиков. То есть люди одинаково смотрят и Ходорковского, и какого-нибудь рэпера. Это доказывает, что значение имеет персона. Я-то всегда исходил из другого. Считал, что интересен собеседник, а не журналист. А Дудь это перевернул. Его феномен

в том, что он сумел сделать интересной персону журналиста. То есть идут на Дудя, а потом уже смотрят, кто у него там будет, Агутин, или Цекало, или еще кто-то. Может быть, если бы сделал интервью с Цекало какой-то другой журналист, там было бы 3000 просмотров. А поскольку сделал Дудь, там 3 миллиона.

Трудные времена...

Мой первый рабочий день в 1982 году совпал с днем траура по генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. И первые мои работы в журналистике были в годы махрового застоя. Потому что на смену покойному Брежневу пришел Андропов, который умер через год. А на смену ему Черненко, который скончался через 12 месяцев. И учеба была в жуткие годы, 1977–1982-й. С одной стороны Афган, с другой стороны «сиськи-масиськи» и все эти анекдоты про Брежнева, который шепелявил и не выговаривал половину букв русского алфавита. То есть я видел разное, но с точки зрения капитализации или возможности самореализации для журналистики не самое лучшее время.

Вообще я очень сильно собой недоволен. У меня к себе много вопросов, и в профессиональном смысле тоже. Я пришел в журналистику в 1982 году, интервью стал писать в 1989 году, а сейчас у нас на календаре 2019 год. Это значит, что я пишу интервью 30 лет. Мне очень помог опыт в начале 1990-х — работа в газете «Новый взгляд» у Евгения Додолева, с которым я сейчас вообще не общаюсь. Я ему очень признателен за то, что он помог мне расписаться. То есть я **каждую неделю писал интервью формата А2 — это порядка**

30 000 знаков. Он меня не лимитировал. Это было самое свободное время. Я наделал тогда кучу ошибок, но мог позволить себе эти ошибки совершать, потому что время было другое. Я мог делать в течение двух недель интервью сначала с Березовским, потом с Чубайсом, которые ненавидели друг друга и не общались. Тогда я почувствовал вкус именно к интервью. 1990-е в профессиональном смысле были несравнимо более интересными. Они не были сильно денежными, но журналистика в принципе не очень денежная. Это сейчас можно зарабатывать: и возможности YouTube, и съемки в рекламе за счет того, что человек медийный. Но тогда был более широк круг спикеров. Вокруг было больше ярких людей. Поскольку я уже давно в профессии, я надеюсь, что на мой век хватит. Каков этот век будет, я не знаю. Мне по-прежнему интересно. Вот про губернаторов: часто это функция, человек без кресла ничего из себя не представляющий. Но бывает, ты что-то в нем находишь, тебе и этого достаточно — просто какие-то человеческие качества. Ну а как? Я ничего другого не умею. Да и не хочу.

Когда вы окажетесь перед Познером, что вы ему скажете?

Я буду задавать вопросы. Я уже много раз оказывался в этом качестве. У меня с десятком интервью с Владимиром Владимировичем на самые разные темы. Мне кажется, я вполне понимаю его мотивы. И я его, безусловно, уважаю. Но с точки зрения профессиональной мне у него нечему учиться. Поэтому вопросов типа «расскажите мне», «научите меня» не будет.

Журналист
и общественный деятель

Жанна Немцова

В 2011–2015 гг. ведущая аналитических передач и интервьюер телеканала РБК. В июне 2015 г., после убийства отца Бориса Немцова (организаторы и заказчики не найдены) покинула Россию. С июля 2015 г. работает на Deutsche Welle в качестве репортера, с мая 2016 г. ведущая передачи «Немцова. Интервью». В 2005 г. окончила МГИМО по специальности «мировая экономика». Обучалась в Московской государственной юридической академии (неоконченное высшее). В 2017 г. окончила трехнедельную программу Стэнфордского университета Draper Hills Summer Fellowship Program. Основатель Фонда Бориса Немцова за Свободу (nemtsovfund.org), который ежегодно вручает журналистам и общественным деятелям премию «За отвагу в отстаивании демократических ценностей в России», проводит форум и летнюю школу журналистики.

Цель интервью

Интервью — это разговор с интересными обществу людьми, который призван больше рассказать о них, об их позиции, в идеале — вызвать общественную дискуссию.

У интервью есть определенный жанр и формат, ограниченный хронометраж.

Зачем нужен этот жанр?

В основе всего, за любым делом всегда стоит личность! Будь то кино, политика, экономика, бизнес. И всем, конечно, интересно, узнать, что это за человек, который принимает судьбоносные решения.

Иногда это автор книги «Метро 2033» Дмитрий Глуховский или писатель Владимир Каминер.

Жанры интервью

Есть интервью в жанре дружеской беседы, как, например, у Натальи Синдеевой. Много лет назад Оксана Пушкина вела душераздирающие беседы с женами политиков. В частности, брала интервью у нашей семьи.

Формат может быть чисто информационный, когда ты задаешь вопросы по повестке дня, потому что тебе нужны комментарии.

Есть интервью, содержащие элементы дискуссии и конфликта, когда интервьюер выявляет слабые стороны в аргументации своего собеседника, несоответствия,

пытается его в чем-то уличить, раскритиковать ту политику, которую тот проводит. Такие интервью-дебаты ты проводишь в основном с политическими деятелями.

И лучше дискутировать вежливо, дипломатично. Слишком жесткая конфронтация очень вредна — это я поняла на своем опыте.

Я стараюсь говорить с людьми, которые принимают решения или влияют на принятие решений в своих странах. Но иногда это могут быть просто интересные ученые, как, например, профессор Европейского университета во Флоренции Александр Эткинд, который занимается культурной памятью, или Фрэнсис Фукуяма, всемирно известный философ, в настоящее время преподающий в Стэнфорде.

Умение держаться перед камерой и техника речи

У моей мамы есть подруга, ее зовут Нина Зверева¹, она работала собкором программы «Вести» на нижегородском телевидении, а потом на федеральных каналах в Москве.

Она занимается ораторским мастерством. И я попросила Нину, чтобы она со мной позанималась. Она мне давала разные задания: она у меня берет интервью, я у нее беру интервью, я что-то рассказываю — а оператор Михаил Сладков это снимал.

¹ Разработчик курсов «Убедительная презентация» и «Эффективная коммуникация». Автор книг «Школа тележурналиста», «Я говорю — меня слушают», «Вам слово! Выступление без волнения», «Правила делового общения». — *Прим. авт.*

Технику речи на РБК преподавала выдающийся педагог Светлана Корнелиевна Макарова¹. Она учила очень многих наших известных журналистов, в частности Тину Канделаки.

Мы читали короткие тексты, и она объясняла, где и как делать смысловые ударения — довольно полезная вещь. Я очень много беру интервью на английском, поэтому мне приходится теперь заниматься техникой речи и на другом языке. Еще я использую пословицы, поговорки, скороговорки. Я говорю довольно связно, у меня нет проблем с дикцией. Тем не менее это довольно полезная вещь. Кроме того, я занималась с главным режиссером на РБК Вадимом Лисицыным, который меня обучал поведению перед камерой. Пластикой со мной занималась стилист Вероника Шевченко, у меня не очень хорошо с этим. А потом всё, в холодную воду — и веди прямой эфир!

Начало работы на РБК

Сначала я вела 10-минутные «Рынки» и шоу «Интерактивный выпуск»: 20 минут прямого эфира, куда могли звонить и писать телезрители. Нас было трое ведущих: я, Андрей Карабьянц и Степан Демура. Они должны были отвечать на вопросы из серии: что будет с долларом и рублем, каковы перспективы Газпрома.

¹ Актриса, выпускница ГИТИСа, специалист по технике речи. Среди ее учеников телеведущая Екатерина Андреева, Ольга Кокорекина, Леонид Парфёнов, Тина Канделаки, ведущий новостей на канале «Россия» Михаил Зеленский. Преподает в московской «Академии медиаиндустрии» (www.iprk.ru) на кафедре основ риторики и дикторского мастерства. — *Прим. авт.*

Затем мне предложили вести свою программу. Она называлась «Немцова. Взгляд». Туда обычно приглашались два эксперта, которые друг друга сильно не любили. Это самое классное, если у тебя один спикер ненавидит другого и они пытаются дебатировать.

Волнение во время интервью

Я до сих пор волнуюсь перед каждым интервью, потому что, если ты не волнуешься, значит, тебе наплевать. Любой человек волнуется, потому что люди, с которыми ты общаешься, довольно неглупые. А ты хочешь сделать хорошее интервью и понимаешь, что кто-то будет на тебя смотреть. Это важно — хорошо сделать свое дело.

Запрет на политические программы

В сентябре 2014 года был подписан Минский протокол. И вот прошла неделя. Меня попросили вести программу «Обозреватель». Обычно туда приглашали всяких экспертов. Я отцу говорю: «Сейчас у меня будет такая программа». Он: «На фиг всех экспертов, зови только тех, кто принимает решения». Я: «Ну что, кого звать?» Он: «Должен быть представитель государства, представитель сепаратистов и один лидер оппозиции». В результате у меня в программе был Франц Клинецевич из Комитета по обороне Госдумы, Павел Губарев — один из сепаратистов с востока Украины (по скайпу). А третьим должен был быть Михаил Касьянов, но не смог, поэтому был Владимир Кара-Мурза — младший, потому что он являлся одним из организаторов «Марша мира» в Москве против войны с Украиной.

Получилась классная программа! Я очень готовилась. После этого Франц Клинецвич был страшно недоволен. Я его спросила: «Как там оказались российские военные?» Он говорит: «Они были в отпуске». Я ему возразила: «То есть вы хотите сказать, что они были в отпуске, взяли танк и поехали в ДНР?»

Программа имела большой резонанс, но из-за этих вопросов меня попросили больше не вести политических эфиров.

Одно из условий хорошего эфира — приглашать в первую очередь людей, принимающих решения, и только потом экспертов.

Подготовка к интервью

Сначала я читаю биографическую справку в «Википедии». Понятно, что она не является истиной. Да, там есть ссылки на источники, которым, однако, не всегда можно доверять!

Потом перехожу на другие сайты, даже сомнительные, где рассказывается о темных сторонах жизни этого же человека.

Я раньше неправильно готовилась: читала письменные тексты, интервью печатных изданий. Но если ты берешь интервью на телевидении, то не надо читать интервью, необходимо смотреть видео. Это даст тебе ощущение, что за человек перед тобой окажется, как он реагирует на те или иные вопросы, где его слабые стороны. Недожал или пережал журналист, который задавал вопросы? Что нужно делать, чтобы человек

ответил? Не повторяться, например, или сформулировать вопрос по-другому.

Выбор темы

Ты всё прочитал, посмотрел интервью. Дальше необходимо определить тему. Надо немного разбираться в ней. То есть, если ты говоришь о том, что коррупция в Молдове выше, чем в Румынии, ты должен владеть цифрами. Потому что твой собеседник может сказать, что это не так. Если ты берешь интервью у первого или второго лица, надо знать ситуацию в экономике страны. Это обязательно. Всегда, когда говорю с президентами стран, смотрю на основные макроэкономические показатели и другие важные статистические данные.

Информационный повод также является темой, но не всегда. Когда вы делаете еженедельное интервью и умудряетесь все время попадать в информационный повод, то вы почти гений.

У меня это несколько раз получилось в 2018 году. С оппозиционными политиками Алексеем Навальным и Ильей Яшиным перед выборами президента России. Со спецпредставителем США по Украине Куртом Волкером в преддверии его встречи по Донбассу с российским коллегой Владиславом Сурковым. С главой Нафтогаза Андреем Коболевым в момент обострения конфликта с Газпромом. С патриархом УПЦ КП Филаретом. С тогда еще главой британского МИД Борисом Джонсоном спустя несколько недель после отравления Скрипалей и так далее.

У спикеров есть медиакомпании, программы и журналы, с которыми они считают важным говорить на ту или иную тему. Сейчас Россия — это повестка. Чтобы стать такой программой, в которую хотят идти ньюсмейкеры, нужно не просто дать интервью без информационной повестки, а дать интервью ИМЕННО по той теме, которая интересует аудиторию и спикера. Если журналист выбирает верное время для приглашения гостя, попадает в повестку, то спикеры ценят такого человека.

Идеал, это когда все спикеры считают, что это именно та программа, с которой надо разговаривать. Я еще не пришла к этому уровню, но стараюсь.

Аманпур, знаменитой телеведущей и интервьюеру CNN, удается это делать, но там работает огромная команда. Я считаю, что иногда можно просто поговорить с интересным собеседником без информационной повестки. Например, с Фукуямой.

Формат и вопросы

У меня есть общее задание редакции: я должна приглашать в программу известных политиков, общественных деятелей и деятелей культуры из США, Европы, стран постсоветского пространства и России раз в неделю на 26–27 минут. Запись длится не более 30 минут.

При подготовке к интервью я пишу вопросы с указанием источников информации и со ссылками. Перед интервью просматриваю их несколько раз. Вопросы на английском прочитываю вслух, потому что это

важно с точки зрения техники речи. Но во время интервью почти никогда не смотрю на вопросы, а следую общей логике.

Меня упрекают, что у меня не очень хороший английский. Я с этим не соглашусь. Я считаю, что для российского журналиста у меня хороший английский. Для глобального журналиста мне надо еще тренироваться, и я этим занимаюсь. Я могу быстро реагировать на то, что говорит на английском языке другой человек, — и практически без ошибок. Еще очень часто читаю книги спикеров, у которых беру интервью. Отмечу, что **каждый час подготовки делает интервью лучше**. Сколько есть времени на подготовку, столько я этому и уделю. Три дня — буду три дня готовиться. Есть лишь один день? Отлично! Потрачу его на подготовку.

Начало интервью

Самое важное — правильно задать первый вопрос, потому что это захватывает внимание зрителя. Иногда в дипломатических целях ты задаешь какие-то общие вопросы, а потом переходишь к сути. Вот, например, Виктории Нуланд я сразу задала вопрос про то, что она девять месяцев работала на российском китобойном судне (на самом деле это было рыболовецкое судно) и поэтому якобы (об этом заявил Дерипаска) ненавидит русских. **Самое лучшее во время интервью — сразу же задать вопрос, который всех интересует.**

В некоторых случаях, если вам нужно человека расслабить, можно задать провокационный, неприятный

вопрос в середине интервью, чтобы спикер сразу же не закрылся.

Но если есть новость, о которой говорят все, спикера сейчас все обсуждают, — это другое дело. Правда, не всегда так называемые острые темы или вопросы, которые волнуют аудиторию, имеют ценность. Например, если бы Дерипаска согласился со мной на интервью, я бы не задала ему вопрос про Настю Рыбку. Потому что это жареный факт, он не имеет никакого значения. Обсуждать эту тему надо по-другому, если вы, конечно, работаете не в желтом СМИ. Надо говорить: «Связаны ли вы с государством?», «Какие контакты вы поддерживаете?», «Как вы можете прокомментировать тот факт, что вы обсуждаете американскую политику?», спросить про санкции! Я уверена, что Дудь задал бы этот вопрос про Рыбку, а я — нет.

Я считаю, что стоит избегать вопросов, касающихся личной жизни, если вы хотите быть программой, которую воспринимают всерьез. Если вы хотите, чтобы к вам ходили люди говорить что-то эксклюзивное, то, что не сказали никому, по важным вопросам международной политики, то нужно соблюдать определенные правила. **Мое правило: личная жизнь — табу: кто, с кем, когда, почему...**

Разговорить собеседника

Перед интервью я стараюсь наладить с людьми какие-то отношения. Я не такой человек, который приходит, садится и начинает шпарить свои вопросы. Некоторые со мной разговаривают минут по 20 до и после

программы, некоторые по два часа. Если спрашивают, я говорю, какие вопросы задам. Но никогда не спрашиваю, на какие темы собеседник предпочел бы не говорить. Если не захочет, то пусть скажет во время интервью: «Не комментирую».

Журналист, представляющий западную компанию, будет задавать все вопросы. Вопрос, как это он будет делать! Если спикер отказывается говорить на темы, которые волнуют всех, и вы во время интервью не задаете эти вопросы — значит, вы уже не журналист. Когда у меня берут интервью, я прошу заранее прислать мне вопросы, чтобы посмотреть, на какие темы человек хочет поговорить, подготовить информацию, собрать данные.

Но мне могут задавать любые вопросы. Если мне не захочется отвечать, я скажу, что не буду комментировать. Я готова к дуэли, и все должны быть готовы, особенно политики. Вообще странно, когда они заявляют: «Я не буду говорить на эту тему». Что это значит? Ты публичная персона, у тебя есть обязательства перед обществом.

Провальное интервью

Мое первое интервью с Алексеем Навальным было ужасным. Я с большим уважением отношусь к Алексею, не буду это скрывать, несмотря на то, что он довольно долгое время не особо меня жаловал.

Тогда Алексей отказался говорить со мной серьезно, шутил, и интервью превратилось в шоу. Это было

сразу после парламентских выборов в 2016 году. Я ставила неправильные вопросы. Мы очень много обсуждали незначительные частности, связанные с партией «Яблоко» и Явлинским. Этого не нужно было делать, это не имело значения. Надо задавать важные для общества вопросы, на которые этот человек может ответить, чтобы не было междусобойчика. Мне потом главный редактор Инго Маннтойфель на Deutsche Welle указал на ошибки. **Это очень важно, чтобы у вас был человек, который может дать вам feedback, пусть даже неприятный!**

Я с трудом добилась от Навального второго интервью, потому что у него сложилось определенное впечатление о том, что я за журналист. Но оно удалось! Я действительно вынесла уроки. Во второй передаче мы говорили о его видении. О его деятельности на тот момент, о забастовке избирателей, о том, что он борется за большинство, а не за меньшинство. То есть это были крупные темы. Я не стала обсуждать, что все в оппозиции разругались, это всем и так понятно.

Навальный всерьез воспринимает людей, которые серьезны, которые задают вопросы по существу. И он не терпит ошибок, которые допускает журналист, не понимающий, где главное, а где второстепенное. **Если регулярно разговаривать с Навальным, то можно научиться делать хорошие интервью.** Навальный сам один из самых успешных российских журналистов. Собственная медиаимперия. Такой Руперт Мердок в миниатюре.

Что делать, если собеседник не воспринимает интервьюера всерьез

Надо просто улыбнуться на его ироничное замечание или шутку, не надо смеяться громко, и дальше с невозмутимым видом продолжать задавать серьезные вопросы. Собеседнику вообще нельзя делать замечания, если они не по существу. Человек может себя вести как угодно. Если он не отвечает на вопрос, можно задать его еще раз пять, ничего страшного в этом не вижу. Но надо сказать так: «Мой вопрос состоял в другом. Я хочу его переформулировать». Не надо обвинять. С Борисом Джонсоном я сказала «Let me put it another way» — «Позвольте мне переформулировать». Он и после этого не ответил, ушел от ответа. Я снова задала вопрос! Надо пытаться снова и снова, но не стоит огрызаться на собеседника.

Удачные интервью

Не все интервью становятся удачными на YouTube. Есть интервью, которые набирали по всем платформам по миллиону просмотров. Я не могу конкурировать с Юрием Дудем. У него подписка более 4 миллионов.

Просмотры для видео важны, особенно когда у тебя нет телевидения, ты не можешь замерить рейтинг и оцениваешь по просмотрам. Но главное, как к тебе относятся люди, как твою программу воспринимают твои возможные следующие гости, считают ли они общение с тобой важным. Леонид Агутин признался, что пришел к Юрию Дудю, потому что это очень популярная программа. Туда невозможно не ходить. Это же миллионы просмотров.

Я согласна с Алексеем Венедиктовым: цитируемость — это хорошо. Значит, ты попал в новостную повестку, если мы говорим о серьезных интервью, а не с Бузовой и прочими.

Звездная болезнь

Эйфория после серии удачных эфиров — очень опасная штука! После этого ты перестаешь готовиться. **В журналистике не существует мэтров.** Мастерство надо доказывать каждый день. Я знаю, что есть ситуация, когда ты сделал 20 отличных интервью и уже считаешь «я — мэтр».

За последнее время мир стал фантастически конкурентным. Тебе на пятки наступают куча людей. С развитием интернета барьеры упали. Если еще раньше, в эпоху до YouTube, можно было себя назначить мэтром, потому что другим не было доступа, то сейчас это совершенно не так. Успеха добиваются лучшие. Я знаю, что мне надо работать над техникой английской речи, однако в целом считаю конкурентным преимуществом то, что я неплохо владею английским языком.

Глобальный журналист

Я хочу стать глобальным журналистом. Русскоязычных в мире очень мало! Это Аркадий Островский — глава шеф-бюро *The Economist*, который работает в Лондоне; Анна Немцова, которая пишет для *The Daily Beast* и *The Atlantic*; Юлия Иоффе, она работает для *The Atlantic*, *Tatler* и других изданий.

То есть у нас есть три известных русскоязычных журналиста, которые пишут на английском языке для западных изданий. Во всяком случае других имен я назвать не могу! В телевизионной журналистике у нас пока нет имен.

Считаю своим успехом, что в эфире Deutsche Welle дважды показали полное интервью с Борисом Джонсоном. Я делала его на английском языке, и DW в английской версии показала всё интервью. Это уже глобальная журналистика!

Успешный журналист

Идти на факультет журналистики не стоит, лучше получить фундаментальное образование и выучить английский язык.

Мне было 13 лет. К нам домой в Нижнем Новгороде пришла ведущая передачи «Герой дня без галстука» Ирина Зайцева. Я сказала ей, что буду журналистом, но не продажным. И я стала! А отец в шутку сказал: «Если джинсу не будешь размещать, то на что же родители будут жить?»

Я вообще считаю, журналистика не является привилегированной профессией. На ней невозможно сделать деньги. Я не говорю про пропагандистов и звезд, которые зарабатывают на рекламе. Журналиста гоняют. Да, определенное уважение есть, но это не самая приятная работа.

Лучше окончить переводческий факультет и выучить какой-нибудь язык, например английский, немецкий,

и стать российским журналистом, который говорит на разных языках. Ум — это прекрасно. Сообразительность и образование — отлично. Всё это конкурентные преимущества. Мой совет молодым журналистам — также учить китайский язык. Я считаю, что журналистика на китайском — это, конечно, большое будущее, потому что Китай — это очень динамично развивающийся регион, вторая экономика в мире (после США). Но это очень сложный язык.

Желаемый собеседник

Хотелось бы сделать интервью с писателем Владимиром Сорокиным. Я считаю его своим великим современником. Он для всей нашей страны, безусловно, является классиком современной литературы. Я считаю, что его произведения (все, конечно, знают «День опричника») пророческие. Человек пишет то, что буквально становится явью.

Меркель не дала интервью, а хотелось бы с ней поговорить. С Макроном, Хиллари Клинтон, Иванкой Трамп, королем Испании Хуаном Карлосом, Елизаветой II, председателем КНР Си Цзиньпинем. Из тех, кого уже нет с нами, с Маргарет Тэтчер и Гавелом.

Хайп

Я смотрю вопросы, которые задают пользователи. Если это глупые вопросы, то я их не использую. Хочу еще раз подчеркнуть: нельзя ориентироваться на всё вот это жареное и хайп. Я, конечно, понимаю: рекламодатели, трафик и так далее. Очень многие

из-за этого к тебе плохо относятся. Не вся жизнь происходит в социальных сетях. Не надо это преувеличивать.

Интервью с Путиным невозможно

Я не хочу, и у меня конфликт интересов с Владимиром Путиным по поводу расследования убийства моего отца.

Это не значит, что я обвиняю Путина в заказе убийства отца. Но человек взял на себя контроль за расследованием, и это расследование провалено. Всё. У меня нет вопросов к Владимиру Путину.

Стандарты журналистики

У BBC, Deutsche Welle есть стандарты. Например, когда я взяла интервью у Владимира Кара-Мурзы — младшего, его не дали в эфир, потому что он руководитель Совета Фонда Немцова. Это было правильно. Конфликт интересов. **Первое и самое главное — когда ты берешь интервью, не должно быть конфликта интересов.** Вас не должны связывать дружеские отношения. Симпатия может быть.

Если вы, например, участвуете в президентской кампании Навального, являетесь координатором его штаба и берете у него интервью, это нехорошо. А вообще, **задача журналистики — установить истину.** Не важно, нравится ли мне Навальный, Яшин, Путин, Гудков. Истина важна! То есть если освещать экономику, то надо установить истину. Не надо говорить

о крепости национальной валюты, если она падает, надо говорить «она падает», и не надо ничего тут придумывать. В простых случаях надо отражать, что происходит. Есть дискуссионные случаи. Для этого существуют аналитики, колумнисты. Российский рубль падает — это истина. И не надо говорить, что он не падает. Что вот сейчас, еще чуть-чуть и так далее. Если он падает резко, то это новость для России. Не Украина и не Сирия — разумеется, если речь не идет об ожесточенных боях, — а то, что падает российский рубль, потому что это влияет на благосостояние россиян.

Если у вас горит торговый центр в Кемерово, там погибают дети, а вы об этом не говорите, вы лжецы. Это неправильное СМИ, так как оно умалчивает о трагедии национального масштаба.

В России есть государственная цензура. Государство контролирует ключевые информационные ресурсы, в том числе сейчас косвенно и РБК. В России больше 50% смотрит телевизионные эфиры. В России нет свободы слова в европейском понимании. То есть такого, что важные вопросы обсуждаются на телевидении и в ключевых крупных газетах с разных углов зрения. Это имитация, а не реальное обсуждение. У нас есть независимые СМИ? Есть. Только их аудитория несколько миллионов человек.

В России огромное количество очень хороших журналистов, которым не всегда возможно найти работу. Кто-то уезжает, кто-то пытается делать что-то свое на YouTube или в блоге.

Владимир Познер

Владимир Познер работает на пропагандистском телевидении и живет в соответствии с его правилами. Я не считаю его журналистом в полном смысле этого слова хотя бы потому, что Первый канал ему не дает приглашать всех, он сам об этом говорил. Я вынуждена смотреть его передачу, когда готовлюсь к интервью с людьми, которые уже у него были, например с главой Transparency International Панфиловой, с Собчак, с Явлинским, с Ястржембским. Я считаю, что он уступает Дудю и в том, что Юрий постоянно задает острые вопросы.

Познер говорил, что ему не дают позвать Навального. Так позови Навального и покажи это в интернете. Это вопрос принципа! Либо ты журналист и приглашаешь людей, которые играют важную роль в жизни твоей страны, либо ты их не приглашаешь, тем самым показывая, что ты подцензурный. Вот, например, Deutsche Welle пригласила в свою программу Conflict Zone женщину — лидера AFD¹. Они всех приглашают, и это правильно. Я, например, приглашаю в свою программу руководителей Газпрома, Роснефти. Другое дело, хотят ли они ко мне идти. А делать, как он, нечестно. Познер, при всем уважении, человек системы. Он живет в этой системе, он принял ее правила. Всю жизнь так и жил. А журналистикой это можно назвать? Я считаю, нет. **Приглашать Собчак и не пригласить**

¹ Правая партия «Альтернатива для Германии», в немецких СМИ часто упоминается как правопопулистская. — *Прим. авт.*

Навального — это неправильно. Но его Марсель Пруст, я считаю, это хороший ритуал.

Юрий Дудь

Я слежу за его программой. Даже если не знаю тех людей, которых он интервьюирует, я начинаю искать о них информацию в интернете, смотреть, что они делают, — например, BadComedian. Дудь очень хорошо готовится. Он задает правильные вопросы правильным людям. У него нет ограничений по времени. Я считаю, что он сделал лучшее интервью с Собчак.

Дудь смотрит в корень. Некоторые его интервью вызывают общественную дискуссию. У него хороший монтаж, отличная команда. Если человек что-то говорит, то сразу же возникает картинка — видео, которое подтверждает его слова. Это круто, что у нас в России есть люди такого уровня. Я им восхищаюсь. Я просто не знаю, в какой момент закончатся гости.

Интервьюер Собчак

Я смотрела ее интервью с Саакашвили, с Пугачёвой, с Хаматовой. Дудя «длинно» смотреть еще можно, а ее тяжело. Я считаю, что сейчас она уже не журналист.

Я очень отрицательно отношусь к ней как к политической фигуре. Я была категорически против ее акции по открытию таблички памяти моего отца за день до выборов. Не могу сказать ничего положительного о человеке, к которому я на данный момент отношусь очень отрицательно, к сожалению.

Негатив по отношению к России

Возникает ощущение какого-то перекоса. Пропанганда не есть хорошо, какой бы она ни была. Надо всегда сохранять объективность. Но дело не в том, чтобы говорить о прелестях России. В России есть хорошее. За последние 20 лет эта страна стала другой. Ретейл, банковская система усовершенствовались и так далее. То есть действительно произошел какой-то скачок. В России гигантская современная культура. И, я думаю, что Deutsche Welle об этом тоже говорит. Но просто основная повестка — это политика. А она, к сожалению, самое худшее, что есть сейчас в России, и экономика как бы тоже хромает. И вот эти вещи превалируют в дискуссиях в международном обществе.

С другой стороны, европейских политиков в европейской прессе тоже очень сильно ругают. Бориса Джонсона западная пресса так мочила за интервью, где он сказал, что точно знает, что за отравлением Скрипалей стоит Россия! А это оказалось не точно, после того, как сказал эксперт Портон-Дауна. BBC, *The Guardian* и другие издания писали про него с утра до вечера. На Западе всегда мочат политиков. **В России Путина никто не мочит, кроме горстки каких-то изданий.**

Есть очень большая поляризация общества в России. В Европе. В мире. В Америке вокруг Трампа. Люди занимают крайние позиции и теряют объективность из-за раскола. Вот был такой хороший пример — Грузия. Меня позвали на канал Rustavi 2, который про-Саакашвили, и стали спрашивать про бывшего президента Грузии. Я процитировала отца, который в 2010 году

сказал, что Саакашвили и Путин — близнецы-братья. И он был прав. А они это вырезали. Это плохо! А люди считают, что Немцов — анти-Путин. Это автоматически значит за Саакашвили.

Я за определенные ценности: беспристрастная журналистика, человеческое достоинство, ценность демократической процедуры, свобода слова. Вы знаете, самое главное — начать с себя, как бы банально это ни звучало. Когда ты начинаешь с себя, ты себя тестируешь, действительно ли ты человек демократических убеждений или вроде бы как только декларируешь это. У меня есть ценности, я придерживаюсь ультралиберальных демократических взглядов, но вопросы я задаю не в угоду той или иной политической силе. Истину надо установить!

Я добилась успеха сама

Я пришла на Deutsche Welle в июле 2015-го, а первая программа вышла 10 мая 2016-го, то есть прошел почти год. Я начала жизнь сначала. Это был огромный путь — убедить такую организацию, что я — тот человек, который это может. А потом убедить, что я должна делать запрос Борису Джонсону. Я добилась тут всего сама, своим трудом. Надо понимать, что скидки, которую, как некоторые думают, мне давали из-за того, что я дочь известного политика Бориса Немцова, в реальности не было.

Мой отец в 2003 году проиграл президентские выборы и после этого никогда не был ни в правительстве, ни в Госдуме, нигде. Он выиграл выборы в Ярославскую

облдуму в 2013-м. То есть у меня не было государственного рычага, никаких связей с Путиным, с правительством.

Если бы Жанна не была дочерью Бориса Немцова, стала бы она главным интервьюером русской редакции Deutsche Welle?

Когда я была маленькой, а мой отец был губернатором Нижегородской области, мне было неудобно. Сейчас я прошла огонь, воду и медные трубы и совершенно самостоятельно добилась всего без помощи отца, которого убили больше трех лет назад. В совершенно чужой стране. **Если бездельничать — ничего не будет.**

Я смогла наладить отношения с коллегами, построить организацию под названием Фонд Немцова, заручиться поддержкой немецкого Фонда Наумана. Совместно с Карловым центром в Праге смогла сделать академический Центр Немцова. Мне помогали люди, которые мне доверяли. Я считаю, что упорный труд, какой-то уровень интеллекта, который вам передают родители, и образование — это самое важное! И, конечно, случай, везение тоже!

Я поняла: сколько я сделаю, столько у меня и будет. И в летнюю школу журналистики, которую мы организовали, подали 464 заявки. Всем людям, которые мне позвонили и сказали «Ну, наших-то возьмешь», я ответила — нет. **Надо быть объективным везде: в журналистике и общественной деятельности.**

Как стать крутым интервьюером?

Надо готовиться. Иногда я слишком много киваю собеседнику во время интервью. Я очень эмоциональный человек: проникаюсь, даже если человек говорит то, с чем я совсем не согласна, я проникаюсь этим и участвую в беседе. Это какая-то психологическая особенность, а не фишка. У меня очень сильная мимика, я активно размахиваю руками, это копировать не надо. И вообще ничего копировать не надо, кроме большой подготовки. Есть много разных книг с советами, но жизнь есть жизнь. Я не читаю книг, где написано, как стать крутым интервьюером.

Репортер и интервьюер

Илья Азар

В 2014 г. получил премию «Журналист года» по версии журнала GQ за репортажи с Донбасса и Майдана в Киеве. В 2006–2010 гг. — политический корреспондент интернет-издания «Газета.RU». В 2008 г. подготовил несколько репортажей о боевых действиях в Южной Осетии, вызвавших большой резонанс у интернет-аудитории и в профессиональной среде. В 2010–2011 гг. — корреспондент журнала «Русский репортер».

2011–2014 гг. — репортер интернет-издания Lenta.ru. Одной из причин увольнения создателя и главного редактора портала Галины Тимченко стало интервью Азара с замруководителя «Правого сектора» в Киеве Андреем Тарасенко. В 2014–2016 гг. — журналист портала «Медуза».

С 2017 г. — спецкор «Новой газеты».

Виды интервью

Есть новостное интервью, которое берется быстро и по какому-то конкретному случаю. Есть интервью конфликтное, когда ты принимаешь на себя роль противника, даже если по взглядам совпадаешь с собеседником.

Может быть интервью-портрет, как, например, у Ванденко, — рассказывающее о жизни человека, его взглядах, знакомящее читателя с персоной.

Самое важное интервью для меня — сделанное на злобу дня и плюс чтобы был внутри него какой-то конфликт.

Обед по расписанию

Я всегда смеюсь, когда собеседник перед интервью в ресторане заказывает себе еду. Я ему говорю: «У вас съесть-то это не получится». Мы потом сидим с ним, я задаю вопросы, слушаю, ем, пью — а он говорит, говорит... В итоге интервью заканчивается через полтора часа, а суп остыл. Я поэтому специально предлагаю: сейчас сделаю перерыв, а вы пока поедите. Надо же уважать собеседника, пусть наберется сил. Хотя, может, это и неправильно — надо добивать, пока он голодный и слабый!

Интервью по скайпу

По скайпу разговор не получается, потому что ты человека перебил, он не сразу на это отреагировал, начал сбиваться, и конец фразы скомкан. Это очень неудобно

при разговоре, где важны быстрые реакции: «А он что?», «А как это?». Вот именно такие реплики очень неудачно проходят в скайп-интервью.

Негатив к собеседнику

Если ты не любишь человека, презираешь, а тебе нужно с ним общаться, можно показать отношение к нему. Можно использовать свою отрицательную реакцию как отдельный прием. Скрывать свой негатив нужно только в том случае, если это очень важное интервью и если собеседник поймет, что тебе неприятен, то он это интервью прервет.

Интервью с Вассерманом

В 2011–2012 годах время было предреволюционное и переходное, если сравнивать с ситуацией на сегодняшний день: тогда могло качнуться влево, вправо. Такие персонажи, как Милонов и Мамонтов, были в диковинку. Считалось: ну как такое можно вообще говорить, это же мракобесие, ересь? Как люди занимают высокие посты и несут такую околесицу?

С другой стороны, казалось, что демократическая оппозиция поднимается с колен, возникают новые персонажи и условные Акунин с Михаилом Шацем идут в оппозицию. С ними было интересно разговаривать с позиции искусства и политики. Мамонтов был одним из таких. Разговор был про религию, его прямо несло.

Примерно в те же годы брал интервью у Вассермана. Мы начали разговаривать, и он сказал, что Сталин не был

причастен к репрессиям. А я не могу себя назвать человеком необразованным, но все-таки, как любой журналист, я довольно поверхностный. У меня нет глубокого знания о существовании целой теории относительно того, что Сталин якобы был ни при чем. У этой группы людей стройная система взглядов, а мне это было в новинку. Я был немного в шоке. И мои вопросы в этом интервью были примерно такими: «И чё? Да ладно? Чё, правда?! А Кирова не Сталин убил?» А у Вассермана в голове энциклопедия! В данном случае просто переложенная в нужную ему сторону, но факты там есть. Я спрашиваю: «А Мейерхолд там чё?» А он такой бу-бу-бу. А я: «Ну а вот армия была обезглавлена перед войной». А он бу-бу-бу.

Интервью получилось большое, но от меня по факту там никакой журналистской работы. Скорее было ощущение, что журналист с открытым ртом поражается тому, что говорит собеседник. Проще говоря, офигевает. Даже мои вопросы можно было убрать. Есть такой формат, когда интервью берется, а вопросы потом удаляются, остается монолог. Эти люди, которых я перечислил, в то время несли такое, что выглядели маргиналами. А сейчас такое говорят все! Именно поэтому интервью теперь редко вызывают общественный резонанс.

Интервью — самый несерьезный жанр

Я не поклонник интервью как формата, всегда считал его самым низким жанром в журналистике. Грамотно сделать новость и то сложнее, я уже не говорю про текст, репортаж, расследование.

По факту интервью — это что: пришел, задал вопросы. Треп, да еще и не твой. Твой уже как раз не нужен. Ты должен, грубо говоря, вовремя менять тему. Если собеседник разговорчивый, то всё получится само. Но подготовиться к интервью надо. И к тому же это самый быстрый товар. Например, у тебя творческий кризис и ты уже месяц ничего редактору не сдавал, не можешь написать текст, не можешь придумать тему, а редактор на тебя наседает, у тебя выработки нет. Ты говоришь — ну, ладно, возьму интервью. Идешь три часа готовишься, читаешь, что-то в интернете находишь, придумываешь вопросы. Приходишь к Ивану Ивановичу, говоришь с ним полтора часа. Потом расшифровываешь сам интервью — еще три часа. И еще три-четыре часа редактируешь. Самое главное в интервью — редакция. Получается где-то 10–12 часов работы, и у тебя готовый материал. А текст, расследование и даже репортаж — это намного дольше. Поэтому интервью — отличный способ отбояриться от редактора, которому давно ничего не сдавал.

В чем минус этого жанра: он простой, но при этом, как бы ты хорошо ни задавал вопросы, все равно в этом тексте есть одна сторона — это твой собеседник. Поэтому он может говорить всё что угодно. Понятно, что при подготовке ты можешь поймать его на какой-то очевидной ну или тебе известной лжи и сказать: «Что вы сыщите мне в глаза? Это совершенно не так, я-то знаю». А есть же куча вопросов, о которых ты не знаешь. Вообще может быть так: он тебе рассказывает, что разговаривал с тем-то, а тот ему сказал то-то. А ты же не знаешь, как было на самом деле. Я уж не говорю, что ты

мог что-то забыть или не знать. Естественно, это можно потом проверить, но тогда это уже не совсем интервью.

Интервью с Арам Ашотычем

Он нес околесицу в свойственном ему стиле. После публикации мои коллеги Альбац, Пархоменко и Кудрявцев начали меня распекать: «Вот тут он тебе сказал, что Life.ru обошли “Ведомости” в сентябре 2013-го, а это неправда, потому что вот же есть цифры! Они там проигрывают нам условно на 100 000 уников. А ты-то что их не привел, ты должен был прийти с цифрами или по крайней мере дать их после».

Ну, мог бы, согласен. Но интервью в «Ведомостях» с бизнесменом отличается от интервью в изданиях широкого профиля с политиком или даже журналистом. Это скорее беседа, в каком-то смысле треп, это не информационное интервью. Поэтому я не уверен, что на каждое интервью надо приходить с кучей цифр и постоянно тыкать в них собеседника, прерывать его и говорить «а вот у вас тут другие цифры». Это разные подходы. Или можно после всего дать какие-то справки, отсылки — но тогда это получится другая работа. Может, лучше вообще текст написать об империи Габрелянова, какое у него количество просмотров, взять комментарии у «Ведомостей», у того же Пархоменко. Но наполнять интервью дополнительным смыслом мне кажется странным. Интервью, на мой взгляд, в первую очередь развлекательный продукт. Легче прочитать интервью, чем текст, не в последнюю очередь потому, что интервью разбивается на жирные вопросы

и ответы. В Америке и вообще в англоязычных СМИ жанра интервью практически нет. То, что мы называем интервью, они зовут Q&A (question and answer — вопрос-ответ). Они ведут беседу, а потом о ней рассказывают, переключают ее в косвенную речь, добавляют какие-то свои размышления или факты.

Подготовка к интервью

Раньше я часто использовал в подготовке такой ресурс — Lurkmore. Очень удобно. Там можно было найти все сомнительные истории. Если начинаешь смотреть что-то про будущего собеседника в новостях, все они будут забиты только тем, что только что произошло. И то, что было раньше, найти очень трудно.

По-хорошему перед интервью надо, конечно, звонить — другу, врагу, просто эксперту. Если с политиком будешь беседовать, то его другу и врагу. Главное — врагу. Ну, или эксперту, который много знает про этого персонажа. Если интервью с журналистом, можно поговорить с коллегами, чтобы тебя ввели в то, что не лежит на поверхности, а им известно. Если закон о забвении в интернете будет как-то развиваться, то скоро это на самом деле будет необходимостью.

Важно выписать цитаты человека, чтобы он отвечал за свои слова. Например, «вот вы там говорили про Путина, что он не очень хороший человек». А он — «Когда я такое говорил? Не было такого». И ты такой — «ну, я забыл уже...».

А надо: «Вот смотрите конкретно: “Путин — злой неприятный редиска”. Говорили это?»

Он же знает и отвечает — да, говорил. Цитаты надо точно выписать и плюс желательно вопросы написать на всякий случай, потому что забывается, разговор может уйти куда-нибудь.

К телеинтервью сценарий просто необходим. Меня это бесит. Я иногда хожу на Hard Day's Night на «Дожде». Я себя чувствую горячей головой. Но я понимаю, что при четком хронометраже, если еще и прямой эфир, тебе нужно уложиться, ты должен прерывать, тебе необходимо иметь четкий сценарий, чтобы все успеть спросить.

В печатных СМИ, мне кажется, это не настолько важно.

В газетном интервью ты можешь спросить человека обобщенно: «Ну как, ну что скажете, ну вот вчера вы тут...»

А человек, если он пришел к тебе, тоже готовился к интервью. Он зачем-то согласился, значит, тоже хотел что-то рассказать. Он это обычно в ответе на первый вопрос и вываливает. Такое бывает не всегда, но часто. Если понимаешь, что время у вас есть, то можешь просто 40 минут послушать, а потом просто на хер вырезать, выкинуть этот вопрос, как будто его и не было, или оставить из него какую-то часть. А человек уже выговорился.

История про неудобный вопрос

Когда я брал интервью у мэра Харькова Кернеса, мне было очень интересно, почему его называют Гепой. Но я слышал, что этот вопрос задавать не нужно.

Поэтому примерно через 40 минут я как-то приблизительно вышел на это, отошел от реальной новостной повестки. Спрашиваю: «Ну а кстати, вот почему вас называют Гепой?» Интервью на этом закончилось. Он встал, разорался: «Да как вы смеете, кто его пустил сюда? Убирайте его отсюда!» Я предполагал, что интервью закончится на этом. Просто очевидно, что, если бы я с этого вопроса начал, чтобы его настроить, думаю, интервью бы вообще не получилось. Но иногда можно сразу же задавать неудобные или провокационные вопросы.

Монолог на 40 минут

Некоторое время назад ездил в Крым, и мне удалось договориться об интервью с губернатором Севастополя Сергеем Меняйло, который сейчас полпред президента в Сибири. В частности, он отчитывался за Кемерово. Вообще я с губернаторами общаюсь редко, потому что «Медуза», «Новая газета» — это не те СМИ, которым губернаторы с удовольствием дают интервью. И, честно говоря, спустя пять лет работы я понял, что овчинка выделки не стоит. Очень много сил потратишь: всех умоляешь, унижаешься, пожалуйста, очень надо, ищешь выходы. А в итоге получаешь никому не интересный по большому счету материал, просто статусный.

Прихожу в Севастополе в его кабинет. Мы начинаем разговаривать. Я, возможно, еще даже не задал вопрос. И он начинает говорить: пять минут, десять, двадцать, сорок! Какие-то околофилософские размышления о чести, долге — ну, какую-то хрень говорит. Я реально

нервничаю, потому что интервью провалено, он сейчас встанет и скажет: «Ну, время кончилось, мне пора». Пытаюсь с ним говорить, а он ноль внимания на меня, даже не смотрит, что-то там вещает в вечность. Тут спустя 40 минут мне удастся вставить слово. Короче говоря, разговаривали мы пять с половиной часов.

В какой-то момент мне удалось поймать интересную тему. Интервью вызвало скандал, потому что он крымским татарам предложил селиться в горах.

Расшифровка интервью

Если ты поручаешь это кому-то, тебе отдают полную расшифровку, и надо очень много времени, чтобы выкинуть очевидно лишние слова. Когда ты расшифровываешь сам, то оставляешь только важное или условно важное. Потом еще раз проходишься и отбрасываешь, а потом смотришь на объем и понимаешь, что это в три раза больше, чем надо.

Некоторые люди думают, что интервью публикуется в том же виде, в котором ты его брал. Это невозможно, так никто не делает. Когда ты его редактируешь, оно, естественно, меняется. Например, у меня был случай: я брал интервью у женщины из Самары, которая баллотировалась в президенты. Она ведет политическую деятельность и при этом утверждает, что Землю через несколько лет завоюют рептилоиды с планеты Нибиру. Мы встретились, а рядом сел человек с камерой, я его даже сначала не заметил. Они пришли вдвоем. Сажу разговариваю с ней, а потом вдруг неожиданно замечаю, что всё снимают на камеру. Ну, думаю, ладно. А потом

было смешно: она на своем канале выпустила интервью раньше, чем я сделал материал. Это потом дало повод ее сумасшедшим сторонникам говорить, что всё искажено. Вот же есть интервью, мы его вывесили, и там-то она вот то-то говорила. У нее полная версия, просто залито целиком всё интервью. А у меня, естественно, переработанное. Это всегда дает желающим основания повозмущаться, что всё вырвано из контекста. Хотя, понятное дело, журналисты априори всё вырывают из контекста, просто потому, что всё сокращают. Но вопрос в том, как вырывать из контекста. Умышленно?

На самом деле защититься от этого невозможно. Это уже вопрос репутации. Я считаю, что за свою карьеру намеренно никогда ничего не искажал, даже когда что-то переставлял. Например, когда в начале идет разговор про Навального, а потом в конце беседы Навальный снова всплыл или ты вспомнил какой-то вопрос, который не задал, то логично и удобно его будет переместить в начало, к тому, где вы говорили про Навального, а не возвращаться к нему. Так будет просто удобнее для чтения. И тогда получается целиком кусок про Навального, а дальше другой кусок. Так часто делается. И вот там идет кропотливая работа, потому что я считаю, что **ответ не должен превышать трех абзацев**. А лучше два. У меня есть такое правило.

Вопрос должен быть как можно короче. Иногда вижу интервью, особенно о культуре, где вопрос содержит отсылки к Мишелю Фуко, потом прямая цитата из Хайдеггера длинная и вопрос в конце: «А вот мы знаем, что Хайдеггер говорил бла-бла-бла, но ведь

мы знаем, что Мишель Фуко говорил бла-бла-бла, а вы как думаете» — вот эти вопросы для меня просто безумие! Даже если я так скажу, то, конечно же, Хайдеггера и Фуко выкину на хер и оставлю коротко. Даже когда задаю длинный вопрос, я его потом сокращаю. Отдельный вопрос, насколько это уместно — сокращать собственные вопросы.

Интервью с Мединским

Я взял у него интервью. После согласования в нем появились обращения ко мне реплики, которых не было в нашем разговоре. Я спросил про его книгу «Мифы о России».

Он: «“Мифы о России” — это очень интересная книга, я ею горжусь». А потом после согласования появилось такое: «“Мифы о России” почитайте, вам будет полезно».

Иногда я тоже делаю вставки от себя, но считаю, что делаю только корректно. Если ответ идет на пять абзацев, я позволяю себе его разбить: вставляю «и что», например, «а почему», «и где». То есть разбиваю, но абсолютно нейтральным вопросом, просто чтобы не было длинного текста. Это упрощает чтение. Когда я вижу в интервью шесть абзацев ответов, просто не могу заставить себя это прочитать. А когда вот так скачешь, то нормально.

Информационный повод и заголовок

Он очень важен. Это попытка добавить актуальности. Я считаю, что журналистика — это не литература, мы все-таки должны делать актуальный продукт.

Заголовок — это большая проблема. Конечно, как журналист, я выбираю самый провокационный заголовок, чтобы на него кликнули. Естественно, он почти никогда не соответствует основной теме интервью. Тут можно вообще злоупотреблять, опять же, вырывать из контекста — так иногда поступают, но лучше этого не делать. Надо же, чтобы название было короткое, для этого приходится выбрасывать слова, и вот тут как раз бывают искажения фразы. Из-за этого возникают претензии.

Я делал текст про Северный Казахстан, где почти такая же ситуация, как на Донбассе. Это освоенный русскими заводской регион. И мне кажется вполне допустимым сравнить эти две ситуации. Мне хотелось посмотреть, как они там живут, что происходит, есть ли какие-то сепаратистские тенденции. Я поехал, поговорил, и этот текст вызвал грандиозный скандал именно в таком среднеазиатском духе.

Я встретился с тремя русскими старичками. Они написали письмо Путину, ни на что не жаловались особо, так, по мелочи. Ну, город Усть-Каменогорск переименовали в Оскемен, вроде бы и ничего, а как-то неприятно. Потом я поговорил с другими спикерами, которые сказали, что здесь всё классно. Вышел текст, и на второй день после этого «Медузу» заблокировали в Казахстане.

Потом эти три русских человека опубликовали открытое письмо, в котором выразились абсолютно совковым языком: «К нам приехал этот либераст из Москвы, нас обманул, ввел в заблуждение, развязал нам язык

обманом» — и в конце было: «И мы ответственно заявляем: нашу дружбу и взаимопонимание не смогут разрушить никакие “Азары” и скользкие “медузы”!»

Название материала было «Усть-Каменогорская народная республика». Оно соответствовало скорее поводу для поездки и общему настроению, но не отражало содержания текста, что было неправильно с моей стороны!

Юрий Дудь

Я с Юрой знаком довольно давно, не дружу, просто знаю его. Для подавляющего большинства людей и даже, наверное, коллег он как бы возник внезапно со своим YouTube-проектом, но Юра задолго до этого делал интервью на Sports.ru, и не только со спортсменами, а в том числе с людьми из общественного мира. При этом там были всегда острые вопросы, поднимались темы, которые нетипичны для спортивных интервью, поэтому Дудь всегда выделялся из числа спортивных интервьюеров.

И было видно, что человек умеет. У него было интервью с Каманчей, это такой известный динамовский фан, который стал спортивным чиновником, у него нацистское прошлое, есть фотки, где он зигует, поэтому Юра его спрашивал на разные темы типа нацизма. У него есть интервью с политиками. Они сделаны нормально для его аудитории, но для меня, который как бы погружен в эту тему, они недостаточно глубокие и интересные, потому что я чуть больше знаю.

Дудю стало понятно, что аудитория есть, ее нужно просто заинтересовать более серьезным продуктом. Ему это удалось первым, не в последнюю очередь благодаря качественному продукту. То есть это не видео, сделанное на коленке! Первыми его десятью собеседниками были известные люди, которыми он захватил всю эту аудиторию. Были рэперы, затем более серьезные персонажи, которые уже не могли отказаться от интервью, потому что это шоу на два-три-десять миллионов просмотров. Все его интервью цитируются.

Я с детства читаю «Спорт-Экспресс», там в каждом номере есть несколько интервью с футболистами или хоккеистами. И там было так:

«Здравствуйте, как вчера матч прошел?» — «Матч прошел хорошо, мы выиграли». — «Как вам удалось выиграть?» — «Мы хорошо тренировались, нам удалось держать мяч, нападающий был в хорошей форме, мы ему дали пас, он забил гол». — «Очень хорошо, а следующий матч как сложится, как думаете?» — «Ну, я думаю, что если повезет, то выиграем, приложим все старания!»

Типичные скучные интервью. Дудь задает другие вопросы и спортсменов спрашивает не только о спорте!

Познер

Мне кажется, что это очень качественный разговор, но это — беседа, а не интервью. Я не помню, чтобы Познер вступал с кем-то в конфликт, начинал кого-то к стенке прижимать. При том, что он готовится очень хорошо, я думаю, он бы мог. Мне не близко, что он Навального не зовет, мне это кажется очень странным.

Причем я на 100% уверен, что он не зовет его, потому что ему нельзя. А он это оправдывает тем, что Навальный националист.

Усталость от жанра

Я почему перестал интервью брать. Все говорят одно и то же. Понятно, что они скажут. Специально задавать какие-то неожиданные вопросы — зачем? Надо раскрывать человека с разных точек зрения, в том числе и с обычной, нельзя же задать вопрос «Что вам больше нравится — пиво или машины?», или «Когда у вас был первый секс?», или «Кто лучше — Маргарет Тэтчер или Франко?». Интервью не построишь только на неожиданных вопросах, можно придумать что-то новенькое, вставить, но в принципе только на этом не получится. Этот этап для меня завершен, и я вообще считаю это нормальным, надо двигаться дальше.

Интервью в репортажах

Из-за того, что я, видимо, раньше брал много интервью, у меня повышенная жалость к героям. Нормальный журналист пишет текст, ему нужно часть истории рассказать через какого-то героя, он с ним говорит час, ему нужно две цитаты, он их дожидается, все остальное выбрасывает, и от человека остается почти ничего. Непонятно, кто он, что он, кроме того, что он дал нужную цитату. Меня это жутко раздражает, поэтому у меня текст огромный, я очень много цитат оставляю от людей. Я говорю со всеми на разные темы в рамках одного текста. Грубо говоря, в одном регионе «завод и выборы», а потом

в кусок о заводе я стараюсь вставить более-менее интересные мнения нескольких героев об этом заводе, чтобы не было, что человек появился просто, чтобы сказать, что выборы были говно, и исчезнуть, потому что это человека никак не описывает. И это называется «вырвать из контекста». Из-за этого у меня получаются огромные тексты с кучей странных цитат, и за это меня все ругают и никто не читает.

Из командировки я привожу по 15–16 часов записей, с каждым по полтора часа говорю. И все это я потом сам расшифровываю.

Поиск спикеров

У ВВС есть продюсеры, которые журналисту все находят, а ему нужно только поговорить и записать ответы. На «Эхе Москвы» можно вообще все поручить референтам, сказать: «Мне нужно поговорить с тем-то и с тем-то». Я даже для текста этим пользовался. Когда я ушел из «Ленты» и не было работы, а история продолжалась — Крым, Донбасс, меня Венедиктов взял на ту же зарплату, чтобы я писал им на сайт.

Я мог позвонить, сказать: «Мне нужно в Донецке найти того-то» — и они искали. Это очень удобно. В принципе, у большинства людей такого нет. У американцев и прочих есть фиксеры, они за бешеное бабло нанимают людей, которые им всех находят. Я обычно выхожу через коллег, прошу помочь контактами. В силу того, что меня более или менее знают, мне обычно помогают.

Для начала спрашиваю местных журналистов: «Кто у вас тут интересный?» В идеале лучше еще с ними

встретиться, поговорить, чтобы они ввели в курс дела. Конечно, не за деньги. Они мне дают контакты экспертов, своих друзей, что-то рассказывают о регионе.

Тулеев

В 2017 году я ездил в Кемерово, когда Тулеев заболел, его три месяца не было на работе, при этом ничего не происходило, все нормально. Я ездил посмотреть, как регион живет без губернатора, как это может быть. А там есть такой местный оппозиционер, при этом состоящий в Народном фронте. И он позиционирует себя как независимый исследователь типа Навального, вскрывает правду-матку про всех региональных чиновников. Приехал в Кемерово, звоню ему, а он мне: «Заезжай ко мне сейчас домой». Сразу, в 10 утра.

Приезжаю, открывает мне человек в трусах, в майке, такой по-домашнему: «Здорово, Илюха, привет! Хорошо, что ты приехал. Садись. Сейчас я тут пиццу разогреваю, нормально посидим».

Свойский чувак такой: «У меня тут самогон, подогнали». И мы, короче, бухаем. Ну а что мне, отказываться? Неудобно. Я на это смотрю даже не с точки зрения разговора, а с точки зрения репортера. В кафе мы бы сели разговаривать, из этого я никакой картинки не получу. Откажусь от алкоголя — ну и ничего. А тут сразу вижу: я приехал к герою и мы бухаем самогон, утром!

Это ситуация, которую можно будет прикольно описать, поэтому я соглашаюсь. Мы, значит, бухаем, я как-то аккуратно говорю: «Я больше не буду» — а он продолжает уже один.

Наконец он мне говорит: «Я брат мэра, я их всех раскрою на ***!»

В общем, странный интересный персонаж! Ну вот он потом после публикации возмутился, звонил. Требовал убрать самогона и шорты и вообще всё. Очень был недоволен.

Визирование

Это очень сложный разговор. **Закон: если тебя просят показать интервью, ты должен показать, но сам не обязан этого делать.**

В случае отказа визирования собеседник может подать в суд за искажение информации, но подать в суд за «несогласование» не может.

Бывали разные случаи, когда я собеседника троллил. Человек говорит: «Ну ты же дашь почитать?» Я: «Дам, без проблем». Но потом я присылаю, а он говорит: «Убери вот это, вот это и это». А я отвечаю: «Не буду я это убирать». А он: «Мы же с тобой договорились!» А я: «Ну я же тебе дал почитать». Он: «Ты же понимаешь, что это означает?» — «Не знаю. Вы просили дать почитать, я вам дал, и что? Вы чего-то просите, я вам не обещал такого».

Но в силу разных причин чем важнее тебе собеседник, тем больше ты готов пойти на согласование. Если понимаешь, что это человек на один раз (хотя никогда нельзя быть в этом уверенным), можешь его послать на хер, и ничего не произойдет. У меня несколько таких случаев было: как бы публикуй, но мы с тобой больше

не общаемся, до свидания. Несколько раз я отвечал «ну ладно, до свидания», а несколько раз — «давайте поговорим, вот это уберем, а это оставим».

Визирование — это, конечно, говно.

Визирование нормально только в том случае, если мы с человеком это обсуждали. И я, естественно, готов показать: смотри, чувак, мы с тобой разговаривали, я тебя тут сократил, не искажил слова, не вырвал из контекста, не добавил от себя, не наврал, не убрал что-то безумно важное — это я готов обсуждать. Но не для того, чтобы человек, который сказал лишнего — по глупости или по пьяни, а потом изменились обстоятельства, — это убрал (из трусости или еще почему), я против этого. И против этого должен быть любой нормальный журналист. К сожалению, спикеры понимают это не так.

Говорухин

Я делал интервью с Говорухиным, когда он был главой избирательного штаба Путина. Спрашивал про то, что конкретно он бы сделал на месте Путина, в чем ошибка президента. Он сказал, что на месте Путина пошел бы на дебаты, но кто он такой, чтобы указывать президенту, что делать! То есть буквально и соломки подстелил, и параллельно сказал примерно следующее: «Оппозиция говно, все говно, уроды». После сверки интервью там было убрано только про Путина, все остальное оставлено.

У тебя позиция очень шаткая — в любом случае **либо идешь на поводу, либо конфликтуешь**. Ты зависишь от других. Либо твоя редакция готова пойти

на конфликт, либо человек готов тебе уступить. У тебя позиция слабая, ты не можешь его никак заставлять.

Журналистское образование

Оно не помешает, но я не учился на журналиста, поэтому мне сложно сказать наверняка (Азар по образованию политолог. — *Прим. авт.*). Но я сталкивался с коллегами, которые рассказывают, что на журфаке очень мало практики. И многие студенты старших курсов задают вопросы типа «А как правильно брать интервью? Как подходить к спикеру? Как договориться об интервью», ну вопросы очевидные, если сталкиваешься с практикой, а я так понимаю, что там с этим плохо. С другой стороны, практика в нашей профессии — это не машины делать, не ракету в космос запускать. За месяц-два работы этим можно овладеть быстро. В каждом издании есть свои каноны — имеется в виду новостная журналистика или корреспондентская. Там научат, с чего начинать, чем заканчивать, законы Reuters, что, где, как, две стороны, три источника. Это на самом деле не бином Ньютона.

Политология тоже никакое образование. Лучше бы всем пойти на экономфак — это полезно, но там очень сложно учиться.

Экономическим журналистам, мне кажется, обязательно надо получать профильное образование.

Как стать известным интервьюером

Когда я читаю слабые интервью, меня это удивляет. Я не понимаю, в чем проблема найти интересного

человека, выяснить, чем он известен, что сделал в последнее время, и задать вопросы. Придумать повороты в этой тематике, какие-то интересные вопросы, касающиеся его деятельности, — я имею в виду, чуть сбоку зайти, задать эти вопросы и напечатать.

Имя сделать можно, только если хорошо работать, успех тебя найдет. Конкретнее, если ты регулярно пишешь по повестке материалы в каком-то СМИ, берешь интервью на злобу дня регулярно и оперативно — очень важно взять интервью первым, а не пятым и не седьмым (а если взял его седьмым, то хотя бы выпусти его сразу), их будут замечать. Постепенно твое имя примелькается, все будут видеть и вспоминать: «А вот этот человек делал интервью там-то», тебя добавляют на «Фейсбуке» разные люди, и они будут видеть, что ты делаешь. Когда у тебя будет появляться новое интервью, ты станешь вывешивать его на «Фейсбуке», они уже будут видеть, заходить на него. Это долгая дорога.

Я работал в Газета.ru с 2006 по 2011 год, ездил в Киргизию на революцию, и этого почти никто не заметил. Ездил даже на войну в Осетию, но это отдельная история — мне было 24 года, я был начинающим и вообще не понимал, как там работать. Сейчас на этой четырехдневной войне можно было бы прославиться с полпинка, но тогда я просто не знал, что делать. По понятным причинам я боялся плюс просто не знал, куда идти, как-чего. Это чуть ли не первое серьезное поле, сразу на войну, без броника. Вроде бы ты и оперативно писал, и на злобу дня, и про войну, и ты там, но я не могу сказать, что это сделало мне какое-то имя, — это не сработало.

Когда избили Кашина, мы в тот день общались, даже ужинали у общего приятеля, потом Кашин ушел, мы пошли в «Маяк», а Кашин куда-то еще. И вот это все случилось. Мы поехали в больницу, ничего не добились. С утра поехали туда еще раз. Никого не пускали. А коллеги-журналисты начали нас снимать, записали синхроны — ну, как обычно: друзья Кашина, все такое. Я помню, что это дало стартовый импульс, затем пошла Болотная, ну а потом уже все закрутилось. **Всегда нужен какой-то импульс — оказаться где-то и в удачный момент!**

Об авторе

Евгений Криницын — журналист немецких изданий *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *BILD*, *Focus*, колумнист «Эха Москвы», автор петиции на платформе Change.org «Требуем принять федеральный закон о защите животных» (более 600 тысяч подписей).

Подписывайтесь на мой инстаграм: **herr_krinitsyn**.

Или пишите на e-mail: **afishavm@gmail.com**.

Криницын Евгений

**КАК
БРАТЬ
ИНТЕРВЬЮ**
8 мастер-классов
от лучших
журналистов России

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Василенко*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Корректоры *Е. Аксёнова, О. Улантимова*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Подписано в печать 27.02.2019. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 10,5 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина Паблицер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7 (495) 980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14